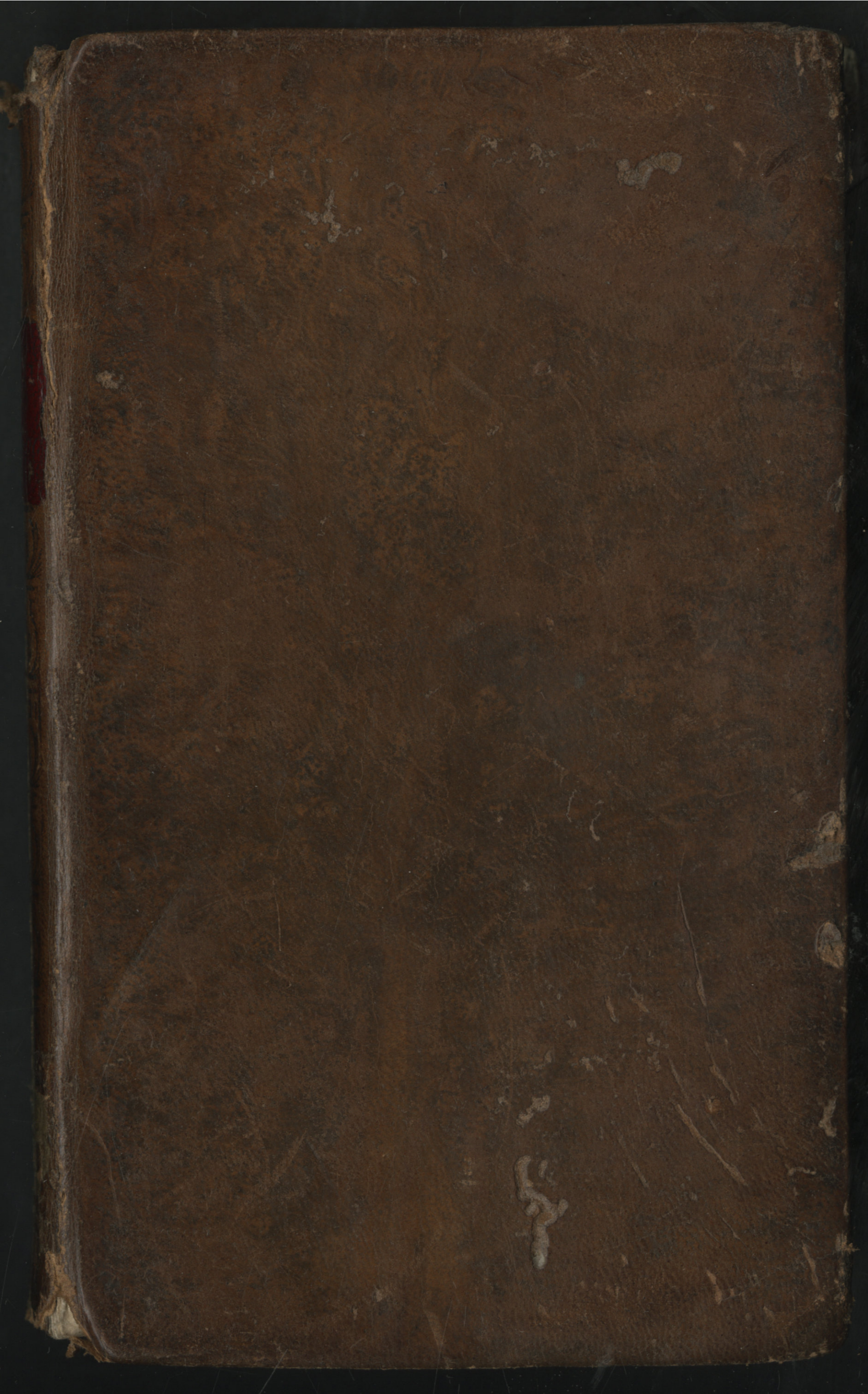
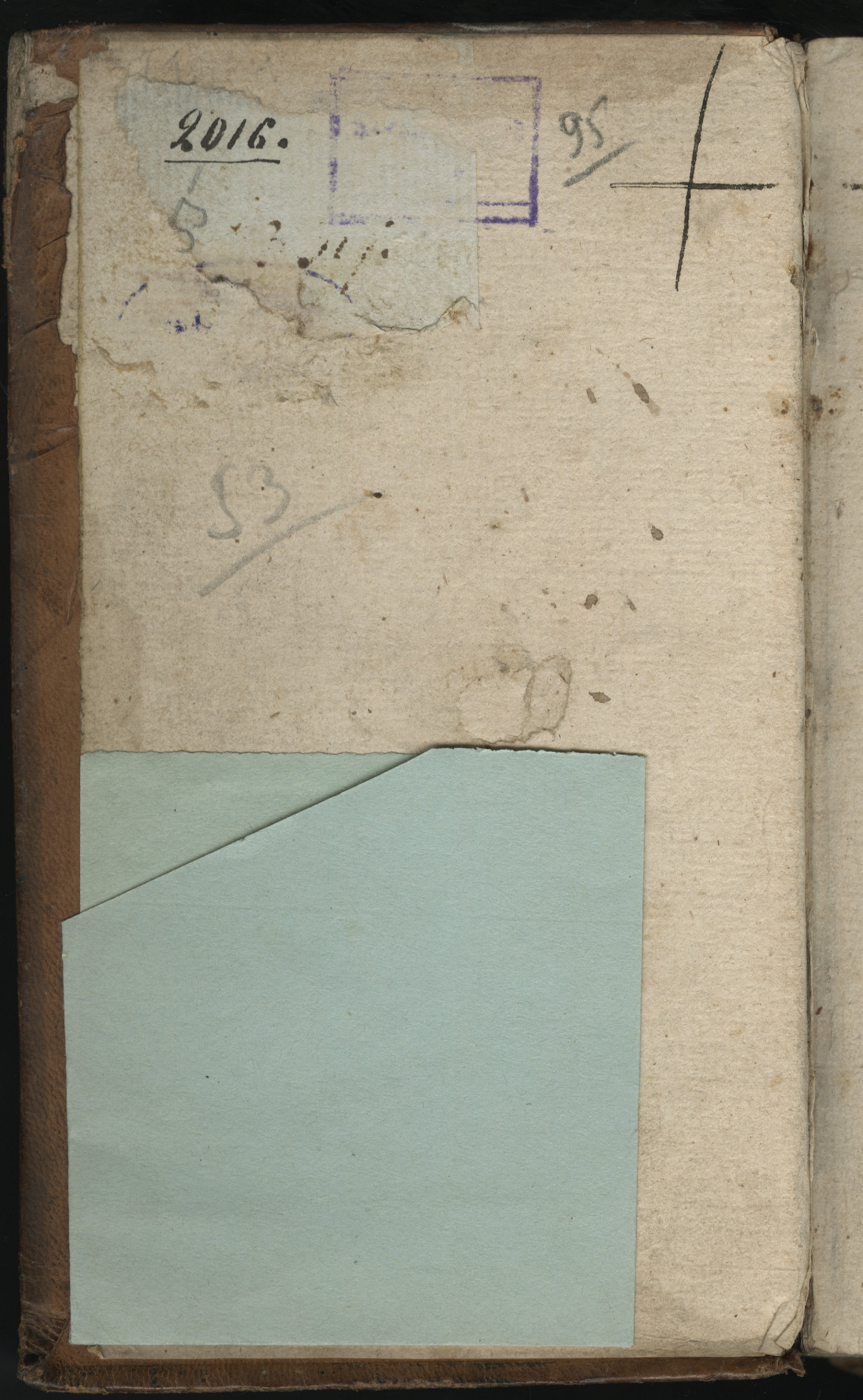

2016.
95
53

Сiя

книга-

принадлежи-

тъ

Александру

Трапицеву

ИЗЪ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ВОЛТЕРА

СМѢСЬ

содержащая

статьи философическія, нравоучительныя, аллегорическія и критическія.

переведена съ Французскаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

печатано съ указнаго дозволенія

1788.

ЕГО

Высокопревосходительству

Двора

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

ОберЪ-Шенку, Сенатору, дѣйствительному камергеру и ОрденовЪ РоссїйскихЪ Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалеру,

Александру Александровичу

Нарышкину,

Милостивому Государю.

Милостивый Государь!

Последуя чувствованіямъ искреннѣйшей признательности, которую въ сердцѣ моемъ произвели оказанные мнѣ отъ Вашего Высокопревосходительства благодѣянія, принялъ я смѣлость посвятить имени Вашему сію съ Французскаго языка переведенную мною часть сочиненій Г. Волтера. Удостойте, Милостивый Государь, по природному Вашему великодушію, благосклонно при-

нять

нять сей малый трудъ мой, такъ какъ свидѣтельство моего истиннаго къ благотворенiямъ Вашимъ признанiя. Сiя новая милость усугубитъ щастiе мое, совершитъ желанiе и увеличитъ усердное къ вящшимъ трудамъ расположенiе. Въ прочемъ препоручая себя дальнѣйшему Вашего Высокопревосходительства милостивому покровительству и благоволенiю, со всеглубочайшимъ высокопочитанiемъ и всеусерднѣйшею преданностiю имѣю честь навсегда пребыть

Вашего Высокопревосходителства

Милостиваго Государя,

всепокорнѣйшимъ слугою,

Н. Л.

ПРИКЛЮЧЕНЇЕ

молодаго Мирзы Рюстана.

Въ Кандагарской области всѣ знаютъ приключенїе молодаго *Рюстана*. Онъ былъ единородный сынъ тамошняго *Мирзы*, котораго достоинство подобно французскимъ Маркизамъ, или Нѣмецкимъ Баронамъ. Отецъ его имѣлъ довольно хорошїй достатокъ. Намѣренїе было женить молодаго *Рюстана*, на дочерѣ другаго, столь же достаточнаго *Мирзы*. Обѣ фамилїи страстно желали видѣть совершенїе сего брака. Отъ него зависѣло утѣ-

шенїе его родителей, благополучїе его супруги, а съ нею и его собственное.

Но по нещастїю увидѣлъ онъ нечаянно Кашемирскую Царевну на ярмонкѣ Кабульской, которая во всемъ свѣтѣ была знатнѣйшая и несравненно многолюднѣйшая, нежели Бассорская и Астраханская: а для чего оной старой Кашемирской Царь на оную прїѣхалъ, о томъ видно будетъ изъ послѣдствїя.

У него пропали двѣ драгоцѣннѣйшїя вещи изъ казенной его палаты; алмазъ величиною въ дюймъ, на коемъ было вырѣзано изображенїе его дочери съ искуствомъ, какое тогда Индѣйцы имѣли и которое послѣ у нихъ во все перевелось, и стрѣла, которая сама собою летѣла, куда пожелаешъ: таковыя вещи у насъ не въ диковинку; но

въ

въ Кашемирѣ онѣ почитались чрезвычайными.

Сіи двѣ драгоцѣнности были украдены Факиромъ его Свѣтлости; Факиръ отдалъ ихъ Принцессѣ говоря: старайтесь сберечь сіи двѣ вещи, отъ нихъ Ваша судьба зависитъ. По семъ уѣхалъ и больше не возвращался. Царь Кашемирскій пришедъ отъ того въ отчаяніе, предпріялъ ѣхать на Кабульскую ярмонку, дабы тамо поразвѣдать у купцовъ съѣзжавшихся со всѣхъ четырехъ странъ Свѣта, не привезъ ли кто изъ нихъ для продажи того прекраснаго камня и той стрѣлы самолютки. Онъ обыкновенно во всѣхъ путешествіяхъ бралъ съ собою и свою Дочь; Она носила всегда при себѣ драгоцѣнной камень, завязавъ оный крѣпко въ свой поясъ, а стрѣлу, кото-

рой не удобно было имѣть, оставила въ Кашемирѣ, спрятавъ ее съ крайнею осторожностїю, въ своемъ Китайскомъ Сундукѣ.

Рюстанъ и Принцесса увидѣлись въ Кабулѣ: они полюбили другъ друга со всею искренностїю, свойственною ихъ молодости, и со всею нѣжностїю природною ихъ землѣ. Принцесса въ залогъ своей любви подарила ему свой алмазъ, а *Рюстанъ* при ея отъѣздѣ, обѣщалъ прїѣхать тайно въ Кашемиру для свиданїя съ нею.

Молодой *Мирза* имѣлъ у себя двухъ любимцовъ, кои служили ему вмѣсто Секретарей, конюшихъ, дворецкихъ и камердинеровъ. Одинъ изъ нихъ назывался *Топазъ*; онъ былъ собою пригожъ, статенъ, бѣлъ какъ черкашенка, тихъ, услужливъ какъ Армянинъ, и разсудителенъ

какъ

какъ Гебръ. Другой по имяни *Обенъ*, былъ весьма пригожій Арапъ, усерднѣе и хитрѣе, нежели *Топазъ*, и ни чего не почиталъ не возможнымъ. Онъ объявилъ имъ о предпріятіи своего поѣзда. *Топазъ* старался удержать его отъ того съ осторожнымъ усердіемъ слуги, ищущаго всегда здѣлать угодность своему Господину; онъ ему представлялъ всѣ опасности: подумайте, говорилъ ему, въ какое отчаяніе ввергнете Вы двѣ фамиліи; подумайте какъ поразите тѣмъ сердце Вашихъ родителей. Онъ поколебалъ *Рюстана*; но *Обенъ* ободрилъ и успокоилъ встревоженную его душу.

У молодаго *Мирзы* не доставало денегъ для столь далекаго путешествія. Разумной *Топазъ* не ссудилъ бы его въ такомъ не достаткѣ; а *Обенъ* и оными его снаб-

дилЪ. ОнЪ взялЪ искусно у своего Господина алмазЪ, здѣлалЪ на мѣсто онаго фальшивой, весьма сЪ онымЪ сходственной, и положа его на прежнее мѣсто, заложилЪ настоящій вЪ нѣсколькихЪ тысячахЪ рупій, Армянину.

Когда *МаркизЪ РюстанЪ* получилЪ рупіи, то и кЪ поѣзду все было готово. На Слона навьючили весь багожЪ, и *РюстанЪ* сѣлЪ на лошадь. *ТопазЪ* сказалЪ своему господину: я имѣлЪ смѣлость удерживать ВасЪ отЪ предпріятія, а за тѣмЪ надлѣжитЪ теперь мнѣ ВамЪ повиноваться; я ВамЪ преданЪ, люблю ВасЪ и послѣдую за Вами на самой край свѣта; но на пути во просимЪ Оракула, которой отсюда на двѣ парасанги. *РюстанЪ* былЪ на то согласенЪ. ОракулЪ прорекЪ: *если Ты ѣдешЪ на ВостокЪ, то будешЪ*

будешъ на Западѣ. *Рюстанъ* ни чего не понялъ изъ сего отвѣта. *Топазъ* утверждалъ, что въ немъ ни чего добраго не заключалось. *Обенъ* всегда своему Господину благопріятствуя увѣрялъ, что тотъ отвѣтъ былъ весьма Ему въ пользу.

Другой Оракулъ былъ въ Кабулѣ; они и туда заѣхали. *Оракулъ* Кабульской отвѣчалъ имъ: *хотя Ты владѣешъ, но владѣть не будешъ: хотя Ты побѣдитель; но не побѣдишъ; хотя Ты Рюстанъ, но небудешъ Рюстаномъ.* Сіе прорицаніе было еще больше не вразумительно, нежели первое. Берегитесь, сказалъ *Топазъ.* Не бойтесь говорилъ *Обенъ;* и сей совѣтъ, какъ всякъ разсудить можетъ, всегда казался справедливымъ молодому *Мирзѣ*, по тому что угождалъ его страсти и ободрялъ его надежду.

По выѣздѣ изъ Кабулы, ѣхали онѣ дремучимъ лѣсомъ; тутъ сѣли они на травѣ ѣсть, а лошадей пустили пастись. По томъ стали развьючивать слона, на коемъ были положены всѣ съѣстные припасы и весь столовой приборъ; но осмотрясь увидѣли, что въ маломъ семъ караванѣ не было ни *Топаза* ни *Обена*. Ихъ окликали, по всему лѣсу отдавалось Эхо *Топазъ! Обенъ!* Служители по всѣмъ мѣстамъ ихъ искали и наполняли лѣсъ ужаснымъ крикомъ. Они возвратились ни кого не видя и неслыша ни какого отзыву. Мы ни кого не отыскали, говорили они *Рюстану*, а видѣли только Ястреба, которой сильно бился съ Орломъ, и такъ его терзалъ, что съ него перья летѣли. Сїя пересказанная битва поразила любопытство *Рюстаново*; онъ пошелъ пѣшъ на мѣсто,

сто; но не нашелъ ни Орла ни Ястреба, а увидѣлъ навьюченнаго Слона, на котораго нападалъ большой Единорогъ; одинъ хоботомъ, другой рогомъ между собою бились. Единорогъ завидя *Рюстана*, убѣжалъ отъ своего соперника. Слона отвели на свое мѣсто; но лошадей не могли отыскать. Какія чудныя приключенія случаются въ лѣсахъ проѣзжимъ, говорилъ *Рюстанъ*. Служители были испуганы, а Господинъ въ отчаяніи, лишась вдругъ лошадей и своихъ вѣрныхъ любимцовъ *Обена* и *Топаза*, къ которому всегда имѣлъ уваженіе, хотя никогда съ его мыслями не былъ согласенъ.

Надежда увидѣть въ скоромъ времяни свою любезную Кашемирскую Принцессу, его утѣшала между тѣмъ, какъ онъ наѣхалъ на

большаго пѣгаго Осла, котораго сильной и злой дѣтина нещадно билъ дубиною. Такіе Ослы бываютъ отмѣнно красивы, рѣдки, и легки въ бѣгу. Но сей за всякимъ ударомъ такъ сильно лягалъ, что кажется не устоялъ бы отъ того и дубъ на своемъ корнѣ. Молодой *Мирза* вступился справедливо за Осла, который былъ весьма прекрасной звѣрь. Дѣтина сущей Олухъ ушелъ, сказавъ ослу: ужо я тебѣ отплачу. Оселъ благодарилъ на своемъ языкѣ своему избавителю, подошелъ къ нему, далъ себя гладить и поглядывалъ на него видомъ кроткимъ. *Рюстанъ* отобѣдавъ, сѣлъ на осла и отправился по пути въ Кашемиру съ своими служителями, изъ коихъ одни шли пѣши, а прочіе ѣхали на Ослѣ.

Едва лишъ сѣлъ онъ на своего Осла, какъ вдругъ сія скотина съ Кашемирской дороги поворотила въ Кабулу. *Рюстанъ* усиливался своротить его съ дороги, дергалъ уздою, билъ ногами, шпорами, попускалъ узду, къ себѣ тянулъ, стегалъ плѣтью по бокамъ; но упрямой оселъ все тащилъ его въ Кабулу.

Когда такимъ образомъ *Рюстанъ* потѣлъ, досадовалъ, отчаявался, наѣхалъ встрѣчу ему Купецъ торгующій Верблюдами, говоря: государь мой, я вижу что оселъ вашъ негодная скотина, тащитъ васъ куда ненада; естьли Вы мнѣ его уступите, я вамъ дамъ за него четырехъ любыхъ верблюдовъ. *Рюстанъ* благодарилъ судьбу, что напалъ на такой выгодной обмѣнъ. *Топазъ*, говорилъ онъ, неправо утверждалъ, что мой путь будетъ не

благополученъ. Онъ садится на лучшаго верблюда, а другїе три идутъ за нимъ слѣдомъ; скоро нагналъ онъ свой караванъ и ѣхалъ путемъ обѣщавающимъ ему благополучїе.

Проѣхавъ четыре Парасанга, остановленъ онъ былъ глубокимъ, широкимъ и стремительнымъ протокомъ, котораго пѣнистая вода стремительно бѣжала съ горъ покрытыхъ густою пѣною. Оба берега крутизною своею представляли ужасную пропасть, на которую нельзя было взглянуть не обмертвѣвъ отъ страха. Не было ни какихъ средствъ ни переѣхать ни поворотить въ ту, или въ другую сторону. Я начинаю сомнѣнїемъ колебаться, говорилъ *Рюстанъ*, и вѣрить что *Топазъ* справедливо опорачивалъ мою поѣздку, и что я безразсудно пустился въ сїе предпрїятїе;

пріятіе; жаль что его нѣтъ, онъ могъ бы мнѣ дать какой нибудь полезной совѣтъ. Еслибъ былъ при мнѣ *Обенъ*, онъ не допустилъ бы меня быть въ такомъ унынiи и придумалъ бы на сіе свои способы; но я всѣхъ ихъ лишился. Смятеніе его и паче еще умножилось страхомъ его служителей: ночь была темная; всѣ не спали и были погружены въ печаль. На конецъ послѣ трудовъ и изнеможенія влюбленной путешественникъ предался сну. По утру пробудясь, увидѣлъ онъ прекрасной мраморной мостъ, чрезъ всю оную пропасть лежащій.

При узрѣнiи сего всѣ были въ восторгѣ, удивленiи и радости. Какъ сіе совершилось? не мечта ли? какое чудо! какое очарованіе! Ѣхать ли чрезъ него? всѣ становились на колѣни, вставали, подходили къ мосту,

сту, лобызали землю, возводили очи на небо, простирали руки, восходили на мостъ со страхомъ, ходили по немъ въ задъ и въ передъ, и всѣ были въ восторгѣ. Конечно небо мнѣ благопрїятствуетъ, говорилъ *Рюстанъ*: *Топазъ* не разумѣлъ ничего, представляя опасности: Оракулы провѣщали въ мою пользу; *Обенъ* во всемъ справедливъ; но почто его здѣсь нѣтъ.

Едва онъ со свитою своею переправился черезъ мостъ, вдругъ оной исчезъ, провалясь въ воду съ ужаснымъ шумомъ. Хорошо! хорошо! вскричалъ *Рюстанъ*; благодарю Небо; оно не благоволитъ, чтобъ я возвратился въ свою землю, гдѣ былъ бы я только простымъ Дворяниномъ. Ему угодно, чтобъ я сочетался бракомъ съ любезною Кашемирскою Царевною. Я буду Кашемир-

шемирскимъ Царемъ; въ то время владѣя моею любовницею, не буду я владѣть моимъ маленькимъ маркизствомъ въ Кандагарѣ. Я буду *Рюстаномъ* и не буду *Рюстаномъ*; ибо здѣлаюсь великимъ Государемъ. Такимъ образомъ большая часть пророчества совершенно истолкована въ мою пользу; прочее такъ же будетъ истолковано: я преблагополучнѣйшій человѣкъ; но почто лишился я *Обена?* я объ немъ несказанно больше сожалѣю, нежели о *Топазѣ*.

Онъ проѣхалъ еще нѣсколько парасангъ въ наивеличайшей радости; но къ вечеру въѣхали они въ горы неприступныя и превысокія; путь ихъ прекратился и новой страхъ паки ихъ объялъ.

Всѣ возопили: тутъ надлежитъ намъ погибнуть; мостъ исчезъ для

того, чтобъ мы болѣе не помышляли о возвращенiи; а Горы сiи воздвигнуты для отнятiя у насъ всѣхъ способовъ, продолжать далѣе путь. О *Рюстанъ!* нещастный Баронъ Кандагарской! не видать намъ вѣчно Кашемиры, не возвращаться намъ болѣе въ землю Кандагарскую.

Послѣ чрезмѣрной радости, коею *Рюстанъ* былъ исполненъ и послѣ надежды, коею онъ толико восхищался, душа его была объята ужасною печалiю и смертельнымъ унынiемъ. Уже онъ и помыслить не могъ, чтобъ пророчества благополучiе ему предвѣщали. О небо! о духъ покровительствующiй! почто лишился я моего друга *Топаза.*

Между тѣмъ, какъ произносилъ онъ сiи слова, испуская тяжкiя воздыханiя, и обливаясь горкими слезами, въ присутствiи своихъ отчаянныхъ

послѣ-

послѣдователей, вдругъ подошва горы разступается, и огромная галлерея со сводами, освѣщенная множествомъ факеловъ, представляется удивленному ихъ взору. *Рюстанъ* при видѣнїи семъ пришелъ въ восторгъ, а служители его пали на колѣни и потомъ ницъ на землю, вскрича: *Чудо! Рюстанъ* наперстникъ Вишсновъ и возлюбленъ Брамою: онъ будетъ Властитель мїра: *Рюстанъ* всему тому вѣрилъ, онъ былъ внѣ себя, почиталъ себя безподобнымъ. А *Обенъ*! любезный мой *Обенъ*! гдѣ ты? почто не зришъ всѣхъ сихъ чудесъ? Какъ я тебя лишился? Прекрасная Кашемирская Царевна, когда узрю я твои прелести?

Онъ ѣдетъ съ своими служителями; за нимъ шелъ слонъ и верблюды подъ сводами горы, за

 кото-

которою представился лугъ испещренной цвѣтами и извивающимися ручьями; близъ лугу были аллеи усаженные деревьями, а за аллеями протекала рѣка, по коей лежали увеселительные домы съ прекрасными садами. По всюду слышна была инструментная и голосная музыка и видны танцы; онъ поспѣшаетъ перейти рѣку чрезъ мостъ, спрашиваетъ перваго встрѣчнаго: Какая это земля?

Ему отвѣчаютъ: Вы въ Кашемирской области. Мы, жители ея, въ радости и веселіи празднуемъ бракосочетаніе нашей прекрасной Царевны, которую выдаютъ въ супружество за *Барбабу*; да продлитъ небо благополучную ихъ жизнь. При сихъ словахъ *Рюстанъ* обмертвѣлъ, а Кашемирянинъ почелъ, что у него падучая болѣзнь. Онъ принесъ его

въ

вЪ свой домЪ, гдѢ долго лежалЪ онЪ безЪ памяти. ПобѢжали за двумя преискуснѢйшими Врачами: они щупали пульсЪ у него, а онЪ чуть опамятовавшись воздыхалЪ, вытороπя глаза и крича: *ТопазЪ*, *ТопазЪ*, Ты правду сказалЪ!

ОдинЪ изЪ ДокторовЪ сказалЪ Кашемирянину: я примѢчаю по произношенію, что сей молодой человѢкЪ изЪ Кандагары, и что здѢшней воздухЪ ему не здоровЪ; надобно его вЪ свою отчизну отправить; я вижу изЪ его глазЪ что онЪ одурѢлЪ, оставте его на мое попеченіе, я его отвезу вЪ Кандагару и онЪ будетЪ здоровЪ. Другой Врачь увѢрялЪ, что онЪ боленЪ сЪ тоски; надобно, говорилЪ онЪ, повести его на свадьбу Кашемирской Царевны и заставить поплясать. Между тѢмЪ какЪ они такой дѢлали КонсиліумЪ,

больной пришелъ въ чувство; оба Врача были отпущены; а *Рюстанъ* остался на единѣ съ Хозяиномъ.

Государь мой, сказалъ ему *Рюстанъ*, простите мнѣ, что я предъ вами палъ въ обморокъ; такой поступокъ не приличенъ; и я прошу васъ принять отъ меня Слона въ знакъ признательности за то старанїе, какое Вы мнѣ оказали. Потомъ разсказалъ онъ ему всѣ свои приключенїя, не открывая отнюдь о намѣренїи своего прїѣзда. Прошу васъ именемъ Витсну и *Брамы*, скажите мнѣ, кто таковъ сей щастливой *Барбабу*, которой сочетавается бракомъ съ прекрасною Кашемирскою Царевною, для чего ея отецъ избралъ его себѣ зятемъ и для чего Царевна удостоила его быть своимъ супругомъ.

Госу-

Государь мой, отвѣчалъ Кашемирянинъ, Царевна никакъ не удостоиваетъ его и именемъ своего супруга: она горько плачетъ, въ сїе самое время, какъ весь народъ торжествуетъ съ радостїю, ея бракосочетанїе; она затворилась въ замкѣ своего Дворца и не хочетъ видѣть никакихъ веселостей для нее приготовленныхъ. *Рюстанъ* услыша сїе, возчувствовалъ въ себѣ душевное удовольствїе; цвѣтъ лица его измѣнившейся отъ печали, паки наполнился живостїю. Скажи мнѣ пожалуй, продолжалъ онъ, для чего Царь Кашемирскїй неволею выдаетъ сїю царевну за ненавистнаго ей *Барбабу*.

А вотъ для чего, отвѣчалъ Кашемирянинъ. Вы чаю знаете, у Царя нашего пропалъ большой алмазъ и стрѣла, кои онъ предпочиталъ

всему на свѣтѣ? знаю, довольно знаю, говорилъ *Рюстанъ*. Сіи самыя двѣ драгоцѣнности, говорилъ Хозяинъ, коихъ по долговременномъ развѣдываніи во всѣхъ краяхъ свѣта не могли ни гдѣ отыскать, повергли нашего Царя въ такое отчаяніе, что онъ обѣщалъ выдать въ супружество свою дочь за того, кто одну или обѣ изъ тѣхъ вещей ему принесетъ. На сіе объявленіе пріѣхалъ *Барбабу* съ онымъ алмазомъ и завтре сочетается бракомъ съ нашею Царевною.

Рюстанъ поблѣднелъ, запинался въ словахъ, изъявляя благодарность; по томъ простился съ Хозяиномъ и побѣжалъ на своемъ Скоробѣгѣ Верблюдѣ въ Столицу, гдѣ должно было совершиться брачное торжество. Онъ пріѣзжаетъ къ Царскому Дворцу, объявляетъ что имѣетъ

до-

донесть о важномъ дѣлѣ и требуетъ, чтобъ его допустили къ Царю. Ему говорятъ что Царь занятъ брачными приуготовленiями. Дѣло мое до того самаго и касается, отвѣчалъ онъ; его вводятъ, и онъ спѣшитъ предстать предъ Царя. Милостивый Государь, говоритъ онъ, да увѣнчаетъ небо дни Ваши славою и великолѣпiемъ! Вашъ зять плутъ.

Какъ? плутъ! смѣешъ ли то сказать? Кто говоритъ такъ предъ Царемъ о зятѣ имъ нареченномъ? Конечно плутъ, повторилъ *Рюстанъ;* и въ доказательство извольте принять отъ меня Вашъ алмазъ.

Царь въ удивленiи сличилъ оба алмаза; и какъ былъ худой знатокъ въ сихъ вещахъ, то и не зналъ которой изъ нихъ былъ настоящiй. Теперь, говорилъ онъ, имѣю я два

алмаза и одну дочь; вотъ странное замѣшательство! онъ призвалъ *Барбабу* и спросилъ: не обманулъ ли онъ его? *Барбабу* клялся, что онъ купилъ у Армянина; но другой не открывалъ отъ кого ему тотъ камень достался, а предложилъ Царю окончить сей споръ битвою. Зятю Вашему, говорилъ *Рюстанъ*, не довольно того, что онъ имѣетъ алмазъ, надобно такъ же, чтобъ онъ показалъ свою храбрость. Не угодно ли Вашему Царскому Величеству наше прѣнїе кончить тѣмъ, что кто кого убьетъ, тотъ долженъ получить въ супружество и Вашу дочь. Очень хорошо, отвѣчалъ Царь, сїе позорище весьма забавно будетъ для моихъ Придворныхъ; подите бѣйтесь, побѣдитель долженъ владѣть оружїемъ побѣжденнаго по обычаю Кашемир-

скому и ему достанется въ супружество моя дочь.

Тотъ же часъ оба Совмѣстника вышли на площадь. На крыльцѣ сидѣла Сорока и Ворона. Воронъ кричалъ бѣйтесь, бѣйтесь; Сорока кричала не бѣйтесь. Царь смѣялся слушая какъ они перекрикивались; оба Соперника не смотрѣли на тотъ крикъ: они начали бой; всѣ придворные стояли около нихъ въ круговеньку. Царевна сидѣла заключенная въ замкѣ, не хотя и смотрѣть на сїе сраженїе; она не могла подумать; чтобъ ея любовникъ былъ въ Кашемирѣ, а *Барбабъ* толико былъ ей ненавистенъ, что она и видѣть его не желала. Сраженїе произходило весьма для зрителей весело. *Барбабъ* былъ убитъ и народъ радовался тому для того, что онъ былъ дуренъ, а *Рюстанъ*

весьма пригожъ: по такимъ видамъ почти всегда народъ судитъ и доброжелательствуетъ.

Побѣдитель надѣлъ на себя Панцырь, перевязь и шлемъ побѣжденнаго, и шелъ въ препровожденіи всего двора и при играніи музыки, предъ окна своей обладательницы. Всѣ кричали: Прекрасная Царевна, выйди и воззри на Прекраснаго своего Супруга, которой убилъ своего мерзкаго соперника. Дѣвицы ея повторяли тѣже слова. Царевна выглянувъ по нещастію въ окно, увидѣла предъ собою вооруженнаго оружіемъ ей ненавистнаго *Барбабу*, побѣжала въ отчаяніи къ своему сундуку, пустила злую стрѣлу; а Стрѣла полетѣла и поразила ея любезнаго *Рюстана*. Онъ поднялъ крикъ; Царевна по голосу узнала,

что то былъ *Рюстанъ*, нещастный ея любовникъ.

Она выходитъ съ растрепанными волосами, имѣя глаза помраченные и сердце преисполненное смертельнымъ унынїемъ и отчаянїемъ. *Рюстанъ* палъ окровавленной въ объятїя ея отца. Она на него взираетъ. О часъ! О видѣнїе! О усердїе, коего скорбь, нѣжность и ужасъ несказанны! Она упадаетъ на него, обнимаетъ: прїйми, говоритъ, прїйми первые и послѣднїе объятїя Твоей любезной и Твоей убїйцы: по томъ вынимаетъ изъ него стрѣлу, вонзаетъ ее въ свое сердце и умираетъ, упавъ на Любовника ею обожаемаго. Отецъ устрашенной, изумленной, пораженный смертельнымъ ужасомъ, старается возвратить ей жизнь; но всѣ пособїя его были уже тщетны. Онъ клянетъ

нетъ злодѣйственную стрѣлу, ламаетъ въ куски, бросаетъ ее и алмазъ; и между тѣмъ какъ приуготовляютъ вмѣсто брака похороны его дочери, повелѣваетъ онъ перенести во Дворецъ *Рюстана*, орошеннаго кровію и со смертію борющагося.

Его полагаютъ на постѣль. За первымъ взглядомъ примѣчаетъ онъ *Топаза* и *Обена* стоящихъ по сторонамъ сего смертнаго Одра. Удивленіе придаетъ ему нѣсколько бодрости. Ахъ! жестокіе! сказалъ онъ имъ, почто Вы меня оставили? можетъ быть Царевна не лишилась бы еще жизни, если бы Вы не покинули нещастнаго *Рюстана*. Я не отставалъ отъ Васъ ни на минуту, сказалъ ему *Топазъ*. И я всегда былъ при Васъ, повторилъ *Обенъ*.

Ахъ! что Вы говорите? Еще ли не перестанете причинять мнѣ

огор-

огорченія и при послѣднемъ часѣ жизни, говорилъ *Рюстанъ* полумертвымъ голосомъ. Повѣрте мнѣ, продолжалъ рѣчь *Топазъ;* Вамъ извѣстно, что я всегда отвращалъ Васъ отъ сей погибельной поѣздки, которой ужасные слѣдствія мнѣ были извѣстны. Я былъ Орломъ, которой сражался съ Ястребомъ меня терзавшимъ; я былъ Слономъ, которой увезъ Вашъ багажъ для того чтобъ Васъ приневолить возвратиться въ свое отечество: я былъ тѣмъ пѣгимъ Осломъ, которой противъ воли Васъ тащилъ домой; я угналъ Вашихъ лошадей въ лѣсъ; я представилъ ту водную пропасть, которая препятствовала Вамъ переправиться; и воздвигнулъ ту высокую гору, которая заграждала Вамъ сей злополучный путь; я былъ Врачемъ, которой совѣтовалъ

валъ Вамъ пользоваться своимъ природнымъ воздухомъ; и тою Сорокою, которая кричала: *не бѣйтесь.*

А я, сказалъ *Обенъ*, я былъ Ястребомъ, которой терзалъ Орла, Единорогомъ біющимъ Слона, тѣмъ злымъ дѣтиною, которой билъ своего пѣгаго Осла, купцомъ промѣнявшимъ Вамъ четырехъ своихъ Верблюдовъ ради ускоренія Вашей погибели; я построилъ мостъ, по коемъ Вы переѣхали, я уравнялъ горы, сквозь кои Вы проѣхали, я былъ тѣмъ Врачемъ, которой совѣтовалъ Вамъ плясать, и Ворономъ, которой кричалъ: *бѣйтесь.*

Увы! сказалъ *Топазъ;* вспомните теперь о пророчествѣ! *Если Ты поѣдешъ на Востокъ, то будешъ на Западѣ.* Такъ подлинно, говорилъ ему *Обенъ*, здѣсь мертвыхъ погребаютъ лицемъ къ Западу:

ду: Оракуловы предсказанія явственны, за чемЪ Вы худо ихЪ разумѣли. *Ты имѣлЪ, но больше не имѣешЪ*: ибо Вы имѣли алмазЪ, но онЪ былЪ фальшивой и Вы о томЪ не знали. *Ты побѣдитель и умираешЪ; Ты РюстанЪ, а теперь уже тебя не будетЪ.* Все совершилось.

Во время сего разговора, *ТопазЪ* покрылся четырмя бѣлыми крыльями, а *ОбенЪ* четырмя же черными. Что вижу я! вскричалЪ удивленный *РюстанЪ*. Ты видишЪ, отвѣчали они оба, двухЪ духовЪ. АхЪ, друзья мои, продолжалЪ нещастной *РюстанЪ*, почто Вы вЪ Судьбу мою мѣшались и что мнѣ вЪ ВасЪ пользы? ТаковЪ есть законЪ, отвѣчали ему. Я былЪ кЪ тебѣ приставленЪ, говорилЪ *ТопазЪ*, дабы бдѣть за тобою до послѣдняго

твоего

твоего издыханія; теперь я долгъ мой исполнилъ.

Но если ты приставленъ для предостереженія меня, говорилъ *Рюстанъ*, то худо исполнилъ ты свое званіе, попустивъ меня обмануться во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ и доведши до того, что я и любовница моя нещастно умираемъ. Увы! такова твоя Судьба, сказалъ ему *Топазъ*. Судьба! такъ что мнѣ пользуетъ твое присутствіе? А ты чернокрылой *Обенъ*, почто меня смущалъ и довелъ своими злыми совѣтами до погибели трехъ человѣкъ, *Барбабу*, Царевну и меня. Такова моя должность, отвѣчалъ ему *Обенъ*. Прѣніе между ими долго происходило. *Рюстанъ* ихъ вопрошалъ, а они отвѣчали; и все ихъ разглагольствіе было не понятно и нерѣшимо. Потомъ

томъ все въ мигъ исчезло. *Рюстанъ* очутился въ домѣ у Царя своего родителя, откуда и не выходилъ ни куда, а лежа въ постелѣ спалъ цѣлой часъ крѣпкимъ сномъ.

Онъ пробуждается отъ страху, весь въ поту и въ забытіи; оглядывается, кличетъ, кричитъ, звонитъ. Камердинеръ его *Топазъ* прибѣгаетъ къ нему въ колпакѣ и отъ заспанья сильно зѣваетъ. Живъ ли я, или мертвъ? вскричалъ *Рюстанъ*. Прекрасная Кашемирская Царевна избавилась ли отъ смерти? — брѣдите, милостивый Государь, отвѣчалъ ему съ холодностію *Топазъ*.

Ахъ! вскричалъ *Рюстанъ*, что здѣлалось съ злоковарнымъ чернымъ четырекрылатымъ *Обеномъ*, кото-

 рой

рой причинилъ мнѣ такую лютую смерть? — Онъ лежитъ въ верху, милостивый Государь, и храпитъ; не прикажете ли его кликнуть? — Цѣлые полгода страдаю я отъ гоненія сего бездѣльника, продолжалъ *Рюстанъ*; онъ завелъ меня, на нещастную Кабульскую ярмонку; онъ спроворилъ у меня алмазъ полученной мною въ подарокъ отъ Кашемирской Царевны; онъ присовѣтовалъ мнѣ поѣздку; онъ причинилъ Царевнѣ смерть; и онъ виновникъ тому пораженію, отъ коего я въ цвѣтущихъ лѣтахъ умираю.

Опомнитесь, милостивый Государь, кричалъ ему *Топазъ*; Вы никогдя не были въ Кабулѣ. Кашемирской Царевны и на свѣтѣ не бывало; у отца ея только двое сыновей, кои и теперь находятся

въ

въ училищѣ. У васъ не было алмаза; и Царевна не можетъ быть мертва, потому что она не родилась; а Вы находитесь въ наилучшемъ состоянiи въ свѣтѣ.

Какъ? ты не былъ при мнѣ, когда я лежалъ при смерти на постелѣ Кашемирскаго Царя? Не самъ ли мнѣ признался, что для избавленiя меня отъ погибели, превращался ты въ Орла, Слона, пѣгаго Осла, въ Лѣкаря и въ Сороку. Все сiе, милостивый Государь, видѣли Вы во снѣ: наши мысли равно не во власти нашей бываютъ во снѣ, какъ и на яву. Сiе сплетенiе мыслей въ Вашей головѣ произошло случайно въ наставленiе Вамъ, которымъ Вы можете воспользоваться.

Ты смѣешся надо мною, говорилъ ему *Рюстанъ*; сколько времени я спалъ? Вы спали, милостивой Государь, только одинъ часъ. Изрядно, негодной умникъ; какъ же можно мнѣ въ одинъ часъ быть на Кабульской ярмонкѣ, чему уже минуло 6 лѣтъ, оттуда возвратиться, съѣздить въ Кашемиру и тамо видѣть умершимъ *Барбабу*, Царевну и себя? ни чего нѣтъ возможнѣе и обыкновеннѣе, милостивый Государь; и Вы дѣйствительно въ кратчайшее время могли бы объѣздить всю вселенную, и видѣть еще и того больше приключенiй.

Не правда ли, что Вы можете въ часъ прочитать сокращенiе Исторiи персидской, писанной Зороастромъ; а сiе сокращенiе содер-

житъ

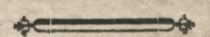
житъ въ себѣ восемь тысячь лѣтъ. Всѣ сїи произшествїи одно по другомъ совершаются въ Вашихъ глазахъ не больше, какъ въ одинъ часъ. А Вы признаетесь, что Брамѣ столько же возможно совокупить воспослѣдованїе ихъ въ одинъ часъ, какъ и распространить на восемь тысячь лѣтъ. Сонъ Вашъ на тоже походитъ; представте, что теченїе времени совершается обращенїемъ большаго колеса, коего Дїаметръ безконечный. Подъ симъ неизмѣримымъ колесомъ находится безчисленное множество другихъ колесъ одно къ другому присоединенныхъ; самое среднее въ центрѣ не примѣтно, и совершаетъ безчисленное множество оборотовъ въ тоже самое время, когда большое колесо одинъ только разъ обращается. Изъ сего явственно видно,

но, что всѣ произшествїя отъ начала до конца мира, могутъ совершиться послѣдовательно, или непрерывно одно за другимъ въ меньшее время, нежели въ стотысячную часть секунды; и можно сказать, что все то и есть такъ дѣствительно.

Я ни чего не понимаю изъ твоихъ рѣчей, сказалъ ему *Рюстанъ*. Не угодно ли, говорилъ *Топазъ*, я достану Вамъ попугая, которой все то ясно можетъ Вамъ растолковать. Онъ живетъ на свѣтѣ изъ древнихъ вѣковъ, много видѣлъ всякой всячины; а отъ роду ему не больше полутора года: онъ Вамъ разскажетъ свою повѣсть; она весьма любопытна.

Бѣги скорѣе за нимъ, сказалъ *Рюстанъ*; я позабавлюсь имъ меж-

ду тѣмъ, пока сонъ меня одолѣетъ. Онъ у моей Сестрицы м.*** Я за нимъ пойду, Вы будете довольны; разсказы его очень вѣрны, просты, не высокоумственны не къ статѣ, и безъ всякихъ реторическихъ правилъ. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ ему *Рюстанъ*; я такія сказки люблю. Скоро къ нему принесли попугая. Онъ говорилъ много; но повѣсть его утратилась.

Любомудріе

есть добродѣтель.

Нѣкогда были Лжемудрователи, кои въ разсужденіи Философовъ были тоже, что обезьяна въ разсужденіи человѣка. *Лукіянъ* смѣялся имъ, ихъ презирали. Они весьма походили на ниществующихъ въ Университетахъ Старцовъ; но не забудемъ никогда, что всѣ Философы подавали великіе примѣры добродѣтели, а Лжемудрователи и оные Старцы, всѣ токмо въ писаніяхъ своихъ добродѣтель прославляли.

Муф-

Муфтіево запрещеніе о чтеніи книгъ.

Мы, Юсуфъ Шериби, Муфти Оттоманской Порты; свѣтъ свѣта, избранный между избранными, всѣмъ вѣрнымъ, до коихъ сіе дойдетъ, желаемъ глупости и посылаемъ свое благословеніе.

Какъ тако нареченный Саидъ Ефенди, прежде бывшій отъ Высокой Порты посолъ въ маленькой области имянуемой Франкромъ (Францїя) лежащей между Испаніею и Италіею, привезъ къ намъ пагубное заведеніе книгопечатанія; то мы совокупно съ почтенными собратіями Кадіями и Иманами Императорскаго города Стамбула, а паче съ Факирами, кои суть испытанные враги всякаго разумѣнія,

согласно приговорили по благоразсужденію Магометову и нашему, оное діавольское заведеніе осудить, уничтожить и предать проклятію ради ниже означенныхъ причинъ.

1 е. Такое повсемственное сообщеніе своихъ мыслей, очевидно способствуетъ къ истребленію невѣжества, которое есть подпора и охраненіе благоучрежденныхъ государствъ.

2 е. Надлежитъ опасаться, что между книгами привезеными съ Западныхъ владѣній, могутъ оказаться и такіе, въ коихъ содержится описаніе о землепашествѣ и о средствахъ къ приведенію въ совершенство искуства механическаго; чрезъ что по времени могутъ открыться въ нашихъ хлѣбопашцахъ и рукомесленникахъ умоизобрѣтенія и искуства, умножиться ихъ богатства, а отъ того возродятся въ нихъ

высо-

высокія мысли и нѣкоторая любовь ко благу общества, что совсемъ противно нашему Магометанскому ученію.

3 е. На конецъ заведутся у насъ Историческія книги безъ всѣхъ чудодѣйствій, содержащихъ народъ въ благополучномъ невѣжествѣ; въ сихъ книгахъ станутъ толковать о воздаяніи за добрыя и о наказаніи за злыя дѣла и поучать правосудію и любви къ отечеству; а сіе то есть самое противное правило правамъ нашего званія.

4 е. На предбудущее время могутъ появиться проклятые Философы, кои подъ видомъ коварнаго своего доброжелательства просвѣтить народъ и учинить его лучшимъ, отважатся и насъ поучать вреднымъ добродѣтелямъ, о коихъ народъ не долженъ имѣть никакого познанія.

5 е.

5 е. Оные Философы введенїемъ нововѣрїя и изданїемъ въ печать соблазнительныхъ своихъ умствованїй, могутъ уменьшить число молельщиковъ, стекающихся въ Мекку и погубить ихъ души.

6 е. Отъ частаго чтенїя сочиненїй Западныхъ, въ коихъ описываются заразительныя болѣзни и предлагаются способы о предупрежденїи оныхъ, можетъ конечно и то воспослѣдовать, что мы къ нещастїю предохранимъ себя отъ гибели; но сїе будетъ ужаснымъ преступленїемъ противу судебъ, все во благо устрояющихъ.

Сихъ ради и другихъ причинъ, для благоденствїя вѣрныхъ и для спасенїя ихъ душъ, запрещаемъ отнюдъ не читать никакой книги подъ опасенїемъ вѣчнаго проклятїя; а дабы не впали они въ дїавольское искушенїе и не покусились поучатися

тися, то строго запрещается отцамъ и матерямъ обучать своихъ дѣтей чтенію. Для предохраненія же ихъ отъ нарушенія нашего повелѣнія, запрещаемъ именно подъ тѣмъ же наказанıемъ мыслить, увѣщевая всѣхъ правовѣрныхъ, дабы они намъ доносили на вѣхъ тѣхъ, кои произнесутъ четыре рѣчи вмѣстѣ связанные и имѣющіе чистой и ясной смыслъ. Повелѣваемъ во всѣхъ разговорахъ употреблять одни только такія изреченія, въ коихъ бы не заключалось никакого толку, послѣдуя въ томъ древнему обычаю Высокой Порты.

А дабы не вкралась какая нибудь изъ запрещенныхъ мыслей въ священной Императорской городъ, поручаемъ имѣть за тѣмъ главное надзирательство первому его Высочія врачу, рожденному на болотахъ въ сѣверной части западныхъ

владѣ-

владѣній, который отправя на тотъ свѣтъ четырехъ знаменитыхъ особъ изъ фамиліи Оттоманской, паче всѣхъ оказываетъ ревность, дабы не проникли науки въ наши земли: даемъ ему симъ власть, брать у градскихъ воротъ всякую на письмѣ или изустную мысль подъ стражу и представлять намъ ее связавъ ей руки и ноги, для учиненія ей наказанія, какое мы заблаго разсудимъ.

Дано въ нашемъ домѣ глупости, 7 луны Мугарема, лѣта 1143 Эгиры.

НАТУРА.

Разговоръ между Философомъ и Нnатурою.

Философъ.

Натура, кто ты такова; я въ тебѣ живу; пятьдесятъ лѣтъ тебя ищу; и еще не могъ тебя найти?

Натура.

Древнїе Египтяне жившїе, какъ то сказываютъ, тысячу двѣстѣ лѣтъ, за тоже на меня негодовали. Онѝ меня называли *Изисою*, покрыли мою голову великимъ покровомъ, и сказывали, что никто онаго не можетъ поднять.

Философъ.

Для того то я къ тебѣ и прибѣгаю. Я довольно могъ измѣрить нѣкоторые изъ твоихъ шаровъ, познать ихъ пути, опредѣлить законы движенія; но не могъ узнать кто ты такова.

Всегда ли ты дѣйствуешь? или всегда нѣчто тобою дѣйствуетъ? Сами ли собою стихіи твои распредѣлены, какъ то вода помѣщается на пѣскѣ, масло на водѣ, воздухъ на маслѣ? Нѣтъ ли въ тебѣ духа управляющаго всѣми дѣйствіями твоими, подобно какъ нѣкоторые стекшіяся общества бываютъ вдохновены, хотя иногда члены ихъ суть сущіе невѣжды? Пожалуй, скажи мнѣ, что ты за тайна.

Натура.

Я неизмѣримая цѣлость; а болѣе о себѣ ни чего не знаю. Я не

Ма-

Математикъ; но все у меня по математическимъ законамъ распредѣлено. Отгадай, если можешь, какимъ образомъ все сїе устроено.

Философъ.

Когда ты, такая неизмѣримая цѣлость, не знаешь математики, а законы твои основаны на точнѣйшихъ правилахъ, то конечно есть Предвѣчный Геометръ, тобою управляющїй, Высочайшее Существо, дѣянїями твоими руководствующее.

Натура.

Ты говоришъ справедливо; я вода, земля, огонь, атмосфера, металъ, минералъ, камень, растѣнїе, животное. Я то очень чувствую, что есть во мнѣ нѣкая сила; ты ее такъ же имѣешь, но не видишъ; и я своей не вижу, а чувствую сїю невидимую силу, и не могу ее познать: для чего же ты, бу-

 дучи

дучи толь малая часть меня самой, желаешъ знать то, чего я сама не знаю?

Философъ.

Мы любопытны. Я хотѣлъ бы знать, какимъ ты образомъ будучи толь груба въ горахъ твоихъ, въ пустыняхъ, въ моряхъ, кажешся однакожъ толь хитрою въ животныхъ твоихъ и въ растѣнiяхъ?

Натура.

Бѣдное дитя, хочешъ ли чтобъ я тебѣ правду сказала? Сiе происходитъ отъ того, что дали неприличное мнѣ имя: меня называютъ Натурою, а я все искуство.

Философъ.

Сiе слово разстроиваетъ всѣ мои понятiя. Какъ! неужели Натура есть искуство?

Нату-

Натура.

Безъ сомнѣнія. Развѣ ты не знаешъ что есть безконечное искуство, въ моряхъ и въ горахъ, кои находишъ ты толь грубыми? Что всѣ сіи воды тягостію своею стремятся къ средоточію земли, и не инако возвышаются, какъ по непреложнымъ законамъ? что сіи горы простирающіяся цепью по землѣ, суть неизчислимые хранилища вѣчныхъ снѣговъ, непрестанно производящихъ сіи источники, сіи озера, сіи рѣки, безъ коихъ погибъ бы мой родъ животныхъ и растѣній. Чтожъ касается до царствъ моихъ называемыхъ, животнымъ, прозябаемымъ, ископаемымъ, ты здѣсь видишъ оныхъ только три; а у меня ихъ миліоны. Но если ты разсмотришъ единое образованіе насѣкомаго, хлѣбнаго колоса, золота и мѣди; все покажется тебѣ чудесами искуства.

Философъ.

Правда. Чемъ больше я объ етомъ размышляю, тѣмъ паче усматриваю, что ты не что иное, какъ искуство; и я не постигаю нѣкоего великаго, пресильнаго и премудраго Существа, которое скрывается и тебя являетъ. Всѣ умствователи со времени *Ѳалеса*, и по видимому гораздо прежде его, играли съ тобою въ жмурки; они сказывали: мы тебя держимъ; но они ни чего не держали. Мы всѣ походимъ на *Иксiона*; онъ думалъ, что обнималъ Юнону, но вмѣсто ея въ объятiяхъ держалъ облако.

Натурс.

Когда я есмь все то, что мiръ составляетъ, то какимъ образомъ такое какъ ты существо, толь малая часть меня самой, можетъ меня обнять? Довольствуйтесь пылинки, дѣти мои, тѣмъ,

что

что вы видите нѣкоторыя окружающія васъ частицы, питаетесь моимъ млекомъ, пребываете краткое время въ моихъ объятіяхъ и умираете не познавъ вашей матери и вашей питательницы.

Философъ.

Дражайшая мать, скажижъ мнѣ по крайчей мѣрѣ, для чего ты существуешъ, и для чего ты есть нѣчто?

Натура.

Я тебѣ то скажу, что я со времени прошедшихъ вѣковъ отвѣчала всѣмъ, кои меня вопрошали о перьвыхъ началахъ: „я о томъ ничего не знаю.„

Философъ.

Лучше бы было ничтожество, нежели оное существованіе множества существъ, сотворенныхъ для непрестаннаго разрушенія; оная толпа животныхъ, рож-

 ден-

денныхъ и произведенныхъ снѣдать другихъ и быть самимъ снѣдью; оное множество чувствительныхъ существъ, созданныхъ ради толикихъ горестныхъ чувствованiй, и оная другая толпа разумныхъ существъ, толь рѣдко имѣющихъ истинный разумъ; Натура, къ чему все ето служитъ?

Натура.

Охъ! поди вопроси того, кто меня создалъ.

Периклъ, новый Грекъ и Россiянинъ.

Периклъ.

Я вамъ хочу предложить нѣкоторые вопросы. Мнѣ *Минос*ъ сказалъ, что вы были Грекъ.

Грекъ.

Грекъ.

Миносъ вамъ правду сказалъ: я былъ всепокорнѣйшїй рабъ высокой Порты.

Периклъ.

Что вы говорите о' рабѣ? Грекъ рабъ!

Грекъ.

Да можетъ ли Грекъ быть иное что?

Россїянинъ.

Онъ говоритъ правду: Грекъ и рабъ, ето все одно.

Периклъ.

Праведное небо! сколь я сожалѣю о моихъ бѣдныхъ соземлянахъ!

Грекъ.

Они не такъ жалки, какъ вы то себѣ воображаете: что касается до меня, то я очень былъ доволенъ своимъ состоянїемъ. Я пахалъ маленкой уголъ земли, которой по милости своей далъ мнѣ

Паша Ромелїйской; и я за то платилъ Султану дань.

Периклъ.

Дань! вотъ странное слово, произнесенное Грекомъ! но скажи мнѣ въ чемъ состоитъ сей унизительной знакъ рабства.

Грекъ.

Въ даванїи нѣкоторой части отъ плода трудовъ моихъ, старшаго изъ моихъ сыновей и прекраснѣйшихъ изъ дочерей моихъ.

Периклъ.

Какъ малодушный, ты отдавалъ своихъ собственныхъ дѣтей въ рабство! Видѣлиль когда, чтобъ современники *Мильтїадовы*, *Аристидовы* и *Ѳемистокловы*! ......

Грекъ.

Это такїе имена, о которыхъ я въ жизни своей не слыхалъ. Не были ли сїи люди Бостанжи, Капижи-Баши, либо Паши трехбунчужные.

Пе-

Периклъ. (Россіянину)

Что за такія смѣшныя и варварскія достоинства, коихъ произнесеніемъ слухъ мой поразился? Конечно вступилъ я въ разговоръ съ какимъ нибудь грубымъ *Веотяниномъ*, или съ слабоумнымъ *Спартіяниномъ*. (Къ Греку) Вы конечно слыхали о Периклѣ?

Грекъ.

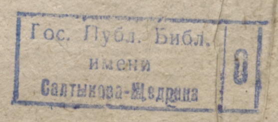
О Периклѣ! совсѣмъ нѣтъ.... погодите ..... Не имя ли это одного славнаго пустынника?

Периклъ.

Какой же это пустынникъ? Не первая ли это была въ государствѣ особа?

Грекъ.

Ни какъ нѣтъ! Сіи люди ничего не имѣютъ общаго съ государствомъ, ни государство ничего не имѣетъ общаго съ ними.

Периклъ.

Какимъ же образомъ сей пустынникъ сдѣлался славнымъ? Вступалъ ли онъ такъ какъ я, въ сраженіи, и учинилъ ли онъ для отечества своего завоеваніи? Воздвигнулъ ли какіе либо памятники Богамъ, и здѣлалъ ли какіе нибудь обществу полезные учрежденіи? Былъ ли онъ покровителемъ наукъ и ободрялъ ли заслугу?

Грекъ.

Нѣтъ; человѣкъ, о коемъ я говорю, не зналъ ни читать ни писать: онъ жилъ въ хижинѣ, гдѣ питался кореньями. Первое его дѣло по утру состояло въ томъ, что билъ онъ себя немилосердо плѣтью по плечамъ: онъ приносилъ въ жертву бичеванія свои, нощебдѣніе, говѣніе и свое невѣжество.

Периклъ.

И ты думаешъ, что добрая слава о семъ монахѣ можетъ съ моею равняться.

Грекъ.

Грекъ.

Конечно: мы всѣ ни чьей памяти толь много не почитаемъ, какъ его.

Периклъ.

О судьба!...... Но скажи мнѣ, не всегда ли память моя была почитаема въ *Аѳинахъ*, въ семъ городѣ, въ которой ввелъ я великолѣпїе и хорошей вкусъ?

Грекъ.

Я о семъ ничего не могу сказать. Я жилъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ, кое называютъ *Сетиною.* Ето маленкая бѣдная деревня, но которая, какъ то я слыхалъ, была нѣкогда великолѣпнымъ городомъ.

Периклъ.

По етому вы такъ же мало знаете славной и великолѣпной городъ Аѳины, какъ имяна *Ѳемистокла* и *Перикла*? Надобно думать,

что

что вы жили въ какомъ нибудь подземельномъ мѣстѣ въ неизвѣстной части Грецiи.

Россiянинъ.

Никакъ нѣтъ, онъ жилъ въ самыхъ Аѳинахъ.

Периклъ.

Какъ! онъ жилъ въ Аѳинахъ, и меня совсѣмъ не знаетъ! Онъ даже не знаетъ имени сего славнаго города!

Россiянинъ.

Теперь тысячи людей живутъ въ Аѳинахъ, и о томъ не болѣе знаютъ, какъ онъ. Сей городъ, въ прежнее время толь богатой и толь пышной, есть уже теперь не иное что, какъ бѣдное и грязное мѣстечко, названное *Сетиномъ*.

Периклъ.

Могуль я повѣрить тому, что вы мнѣ объ ономъ сказываете.

Рос-

Россіянинъ.

Таково есть дѣйствіе опустошеній отъ времени, и нападеній отъ варваровъ, кои суть еще большіе раззорители, нежели время.

Периклъ.

Я то очень хорошо знаю, что Александровы наслѣдники подъ власть свою покорили Грецію; но развѣ Римъ не возвратилъ ей вольности? Я не смѣю далѣе простерти мои изслѣдованіи, боясь, чтобъ не услышать, что отечество мое опять попало въ рабство.

Россіянинъ.

Оно съ того времени многократно владѣтелей своихъ перемѣняло. Въ нѣкоторое время Греція раздѣляла съ Римлянами владычество надъ всѣмъ свѣтомъ, владычество, коего обѣ сіи соединенные державы не могли сохранить. Но Греція, о коей

мы говоримъ, попеременно была подвергаема подъ иго Французовъ, Венеціянъ и Турковъ.

Периклъ.

Всѣ сіи три варварскія народа совсѣмъ мнѣ неизвѣстны.

Россіянинъ.

Я изъ сихъ рѣчей весьма узнаю древняго Грека. Всѣхъ иноземныхъ почитали вы варварами, не исключая и самыхъ Египтянъ, коимъ были вы обязаны за начало всѣхъ бывшихъ знаній. Я вамъ признаюсь, что въ древнія времена Турки ничего болѣе не знали, кромѣ искуства въ завоеваніи, а нынѣ знаютъ они только искуство беречь свои пріобрѣтенія; но Венеціяне, а особливо Французы, во многихъ дѣлахъ съ вашими Греками сравнялись, а въ другихъ и преимуществуютъ предъ ними.

Пе-

Периклъ.

Вотъ прекрасное описанїе; но мнѣ кажется, что въ ономъ есть нѣкоторое тщеславїе. Скажи мнѣ, другъ мой, не Французъ ли ты?

Россїянинъ.

Совсѣмъ нѣтъ; я Россїянинъ.

Периклъ.

Видно, что жители всея земли перемѣнили имя съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Елисейскихъ поляхъ. Я не болѣе слышалъ о Россїянахъ какъ о Французахъ, Венецїянахъ и Туркахъ. Но знанїя, кои вы мнѣ открываете, заставляютъ меня думать, что вашъ народъ есть весьма древнїй. Не есть ли онъ остатокъ Египтянъ, о коихъ вы сей часъ толь много хорошаго насказали?

Россїянинъ.

Нѣтъ, мнѣ народъ сей извѣстенъ только чрезъ вашихъ историковъ:

риковъ: чтожъ касается до нашего народа, то оной происходитъ отъ Скиѳовъ и Сарматовъ.

Периклъ.

Можетъ ли ето статься, чтобъ произшедшій отъ Сарматовъ и Скиѳовъ лучше зналъ состояніе древней Греціи, нежели какъ оное знаетъ новой Грекъ?

Россіянинъ.

Уже тому покрайней мѣрѣ пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы слыхали о Египтянахъ, о Грекахъ и о Сарматахъ. Одинъ изъ нашихъ Государей, имѣя великій духъ принялъ намѣреніе изгнать изъ своихъ областей невѣжество, и въ оныхъ узрѣли со стремленіемъ явившіяся науки и художества, училища и увеселенія общенародныя. Мы учились исторіи всѣхъ народовъ, а наша исторія принята со вниманіемъ другими народами.

Пе-

Периклъ.

Я признаюсь, что для произведенія сихъ родовъ превращеній, надобно только чтобъ государь имѣлъ хотѣніе и ревность; но то еще справедливѣе, что я потерялъ много времени; мнѣ казалось, что я имя свое здѣлалъ безсмертнымъ, а теперь вижу, что оно уже позабыто въ моей собственной странѣ.

Россіянинъ.

Я вамъ скажу во утѣшеніе, что оно извѣстно въ моей землѣ; и я весьма увѣренъ, что вы того не чаяли.

Периклъ.

Я на то согласенъ: однакожъ между тѣмъ я не могу воздержаться отъ сожалѣнія, что Аѳиняне позабыли все для нихъ здѣланное мною. Пойдемъ, я буду утѣшаться съ *Озирисомъ*, *Миносомъ*, *Ликургомъ*, *Солономъ* и со всѣми сими законодавцами и основателями Имперій, коихъ дѣла и пра-

вила подобно моимъ погружены въ забвенїе. Я вижу, что наука есть такое свѣтило, которое не можетъ вдругъ освѣщать какъ только одну часть земнаго шара, но которое послѣдовательно свѣтъ свой разливаетъ на каждую изъ нихъ. День проходитъ у одного народа въ то самое время, когда оный у другаго настаетъ.

Добродѣтель.

Что есть добродѣтель? благотворенїе ближнему. Могу ли я назвать добродѣтелью иное что, кромѣ того, что дѣлаетъ мнѣ добро? Я бѣденъ; ты щедръ. Я въ опасности; ты мнѣ помогаешъ. Меня обманываютъ; ты мнѣ говоришъ правду.

правду. Меня презираютъ; ты меня утѣшаешь. Я невѣжда; ты меня наставляешь. Я тебя безъ сомнѣнія назову добродѣтельнымъ. Но что будутъ главныя и богословскія добродѣтели? Нѣкоторыя останутся въ училищахъ.

Что мнѣ до того, что ты хранишъ умѣренность? Такое наблюдаемое тобою правило касается до здоровья; ты отъ того будешъ здоровѣе, и я тебя съ тѣмъ поздравляю. Ты имѣешъ вѣру и надежду; онѣ тебѣ доставятъ все по вѣрѣ. Твои богословскія добродѣтели суть небесныя дарованія; а главныя добродѣтели твои суть презящныя качества служащія къ поведенію твоему: но онѣ не суть добродѣтели въ разсужденіи твоего ближняго. Благоразумный дѣлаетъ себѣ добро, а добродѣтельный творитъ оное человѣкамъ. Св. Павелъ

справедливо сказалъ тебѣ, что любовь къ ближнему преимуществуетъ предъ вѣрою, предъ упованіемъ.

Какъ, неужели тѣ только одни дѣла почитаются добродѣтелью, кои ближнему полезны! И какъ мнѣ оныя различить? Мы живемъ въ обществѣ; и потому прямое добро есть для насъ то только, что составляетъ благо общества. Пускай пустынникъ будетъ трезвъ, благочестивъ, облеченъ во власяницу; изрядно; но я его не назову добродѣтельнымъ пока не здѣлаетъ онъ какого либо добраго дѣла, коимъ бы другіе люди воспользовались. Пока онъ живетъ во уединеніи, то онъ не есть ни добродѣтеленъ ни злотворенъ, онъ для насъ ничто. Если *Сентъ-Бруно* ввелъ въ фамиліи миръ, если помогалъ онъ неимущимъ, то онъ былъ добродѣтеленъ; если же онъ постничалъ, мо-

лился во уединенїи, то тѣмъ исполнялъ правила своего званїя. Добродѣтель между людьми есть взаимное воздаянїе благотворенїй; неимѣющїй никакого участїя въ сей взаимности, отнюдь не долженъ быть почтенъ за добродѣтельнаго. Если бы оной отшельникъ жилъ въ мирѣ, онъ бы конечно могъ здѣлать добро; но пока пребудетъ отлученъ отъ онаго, то люди по справедливости не будутъ называть его добродѣтельнымъ; онъ будетъ добръ ради себя, а не для насъ.

Но вы мнѣ скажете, что хотя пустынникъ обжора, пьяница и погруженъ въ сокровенное съ самимъ собою распутство; однако онъ добродѣтеленъ, если имѣетъ противные онымъ качества. На сїе не могу я согласиться никакъ; онъ прескверной человѣкъ, если только подверженъ слабостямъ, о коихъ вы гово-

рите: но онъ не порочень, не золъ, не достоинъ наказанія въ отношеніи общества, коему пороки его не дѣлаютъ никакого вреда. Можно полагать, что если бы онъ опять вступилъ въ общество, то надѣлалъ бы въ ономъ зла, и былъ бы весьма порочнымъ; да притомъ гораздо вѣроятнѣе, что онъ здѣлался бы зловреднымъ, нежели то подлинно, что другой пустынникъ трезвый и цѣломудренный былъ бы для общества добрымъ человѣкомъ; ибо въ обществѣ слабости множатся, а добрые качества уменьшаются.

Дѣлаютъ гораздо сильнѣйшее возраженіе: Неронъ, Папа Александръ VI, и другіе сего рода чудовища щедро оказывали благодѣянія; я смѣло отвѣчаю, что и они были въ то время добродѣтельны.

Нѣкоторые богословы сказываютъ, что божественный Императоръ

торъ *Антонинъ* не былъ добродѣтеленъ, что онъ былъ упрямый Стоикъ, который не будучи доволенъ властїю надъ людьми, хотѣлъ еще быть отъ нихъ почитаемъ, что онъ относилъ къ самому себѣ то добро, которое дѣлалъ роду человѣческому, что онъ во всю свою жизнь былъ справедливъ, трудолюбивъ, благотворителенъ изъ тщеславїя, и что онъ только обманывалъ людей своими добродѣтелями; тогда я воскликну: Боже мой! даруй намъ часто подобныхъ плутовъ!

Неустройство Натуры,

Индѣйское Приключенїе.

Пиѳагоръ во время пребыванїя своего въ Индїи учился, какъ то всѣмъ извѣстно, въ училищѣ *Гимно офистовъ*, языку животныхъ и растѣнїй. Прохаживаясь однажды по лугу не подалеку отъ морскаго берега услышалъ онъ сїи слова: Какъ я нещастна, что родилась травою! лишь только выростаю я на два дюйма вышины, какъ пожирающее чудовище, страшное животное топчетъ меня своими широкими лапами; челюсть его вооруженная двумя рядами острыхъ серповъ, меня подсѣкаетъ, терзаетъ и поглощаетъ.

Люди

Люди называютъ сїе чудовище *бараномъ*. Я не думаю, чтобъ была въ свѣтѣ гнуснѣе его тварь.

Пиѳагоръ пошелъ далѣе и нашелъ устерсу, которая на маленькомъ камнѣ зѣвала. Онъ еще не слѣдовалъ оному удивительному закону, который запрещалъ ѣсть подобныхъ намъ животныхъ. Едва хотѣлъ онъ проглотить устерсу, какъ она произнесла сїи жалостные слова: О Натура! колико трава, которая такое же какъ я произведенїе твое, есть благополучна! Когда ее выкосятъ, она опять выростаетъ, она безсмертна; а мы бѣдные устерсы, мы тщетно покрыты двойною латою; злодѣи съѣдаютъ насъ за завтрекомъ по двенадцати, и мы уже на всегда погибаемъ. Какая ужасная судьба устерсы, и какїе люди варвары!

Пиѳагоръ содрогнулся; онъ почувствовалъ мерзость злодѣянія, кое хотѣлъ было учинить; съ плачемъ просилъ у устерсы прощенія, и опять положилъ ее на камень весьма бережно.

Когда возвращаясь въ городъ размышлялъ онъ глубокомысленно о семъ приключеніи, то увидѣлъ онъ Пауковъ, кои пожирали мухъ; Ласточекъ, кои поглощали пауковъ; Копчиковъ, кои ласточекъ поядали. Всѣ сіи животные, сказалъ онъ, не суть философы.

Пиѳагоръ вошедши въ городъ былъ толкнутъ, задѣтъ, опрокинутъ множествомъ нищихъ, кои бѣжали крича: ето хорошо здѣлано, ето очень хорошо здѣлано; они того весьма достойны. Кто? что? вопрошалъ Пиѳагоръ, подымаясь; а люди всѣ бѣжали сказывая: Ахъ! какъ

какъ намъ будетъ весело глядѣть, какъ ихъ будутъ на огнѣ жарить!

Пиѳагоръ думалъ, что они говорили о чечевицѣ, или о какихъ другихъ растѣнїяхъ; но совсѣмъ не о томъ, а вмѣсто того о двухъ бѣдныхъ Индѣйцахъ. Ахъ! сказалъ Пиѳагоръ, конечно ето два великїе философа, коимъ жизнь наскучила: они желаютъ возродиться въ другомъ видѣ. Домъ весело перемѣнять, хотя и въ новомъ равно жить скучно; но о вкусахъ спорить не должно.

Онъ дошелъ съ толпою до всенародной площади, а на оной увидѣлъ большой костеръ зажженной, а на супротивъ того костра скамью, которую называли *Трибуналомъ*, а на сей скамьѣ судей, а всѣ тѣ судьи держали въ рукахъ коровей хвостъ, и имѣли на головѣ шапку совершенно похожую на уши того живот-

животнаго, на котором Силен прибыл некогда с Бахусом в свое отечество, переехав Эритрейское море не омоча ног, и остановив солнце и луну, как то верно в Орфических книгах повествуют.

Между сими судьями был один честный человек, весьма знаемый *Пифагором*. Индейский мудрец изъяснил мудрецу Самоскому, по какому случаю учреждается праздник для народа Индейскаго.

Два Индейца, сказал он, не имеют ни какого желания быть сожженными. Важные сотоварищи мои осудили их на сию казнь, одного за то, что сказал, яко бы Ксакса не одного существа с Брамою; а другаго за то, что думал, будто бы можно угодить добродетелию, не держав умираючи корову за хвост; ибо, говорит он, можно

быть

быть во всякое время добродѣтельнымъ, и что не всегда можно найти корову въ нужное время. Простодушныя Горожанки такъ были испуганы сими двумя еретическими предложенїями, что онѣ судьямъ не дали покою до тѣхъ поръ, пока они не приговорили къ казни сихъ двухъ нещастныхъ.

Пиѳагоръ судилъ, что отъ травы даже до человѣка, многїе имѣли причину роптать на свою судьбу; однакожъ заставилъ онъ судей и набожницъ согласиться на то, что справедливо. И сїе случилось одинъ только сей разъ.

По томъ пошелъ онъ въ Кротонъ проповѣдывать вѣротерпѣнїе; но нѣкоторой нетерпящїй иновѣрїя, зажегъ его домъ. Онъ сгорѣлъ, онъ, которой избавилъ двухъ Индѣйцовъ отъ пламени. *Спасай кто можетъ.*

Се-

Секты или Толки.

Секта и *Заблужденіе* суть два слова одинакаго знаменованія. Ты Перипатетикъ, а я Платонистъ; слѣдовательно мы оба неправы: ибо ты на Платона для того вооружаешся, что его мечты тебя раздражили; а я не послѣдую Аристотелю за тѣмъ, что онъ, кажется мнѣ, самъ не знаетъ, что говоритъ. Если бы тотъ, или другой доказалъ истинну, то не было бы больше и Секты. Защищать мнѣніе одного человѣка и отвергать мнѣніе другаго, есть тоже что приставать къ партіи во время гражданской брани. Ни Математика, ни опытная Физика не имѣютъ Сектъ. Человѣкъ разсматривающій сходство конуса со сферою, не есть Архимедовой секты; равно и тотъ,

кто

кто находитъ что квадратъ Ипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ равенъ квадрату двухъ прочихъ сторонъ, не есть послѣдователь Пиѳагоровой секты.

Когда вы сказываете, что кровь въ жилахъ обращается, что воздухъ имѣетъ тяжесть, что солнечные лучи суть стрѣлы семи солнечныхъ лучей преломляющихся, то вы не послѣдуете въ томъ ни сектѣ Гарвея, ни Торичелли, ни Невтоновой, а только признаете справедливыми доказанныя ими истинны; въ чемъ и весь свѣтъ всегда будетъ съ вами согласенъ.

Вотъ свойство истинны; она есть всѣхъ временъ и прїемлется отъ всѣхъ людей; коль скоро она покажется, всѣ ее признаютъ и никто не можетъ ее отвергнуть. Долговремянное прѣнїе есть доказательство, что обѣ спорющїя стороны несправедливы.

Древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ люди.

или Уборной столикъ госпожи де Помпадуръ.

Г. де Помпадуръ.

Что за госпожа съ орлинымъ носомъ, съ большими черными глазами, толь высокаго росту и толь благородной осанки, толь гордаго вида и при томъ толь вертопрашна, которая не доложась входитъ въ мою уборную комнату и кланяется по монастырски?

Туллія.

Я Туллія, рожденная въ Римѣ, тому около тысячи восьми сотъ лѣтъ; я кланяюсь по римски, а не по французски: я пришла не знаю отъ куда, посмотрѣть вашу

землю

землю, видѣть вашу особу и вашу уборную.

Г. де Помпадуръ.

Ахъ! государыня моя, здѣлайте мнѣ честь садитесь. Креслы госпожѣ *Тулли*.

Туллїя.

Кому? мнѣ, государыня моя, что бъ я сѣла на семъ маленькомъ безпокойномъ сѣдалищѣ, чтобъ мои ноги высѣли на землю и затекли бы кровью?

Г. де Помпадуръ.

На чемъ же вы, государыня моя, обыкновенно сидите?

Туллїя.

На хорошей постѣлѣ, государыня моя.

Г. де Помпадуръ.

А! я догадываюсь, вы хотите сказать, на хорошемъ канапе. Вотъ оно, вы на немъ можете покойно разлѣчься.

Туллїя.

Для меня прїятно видѣть, что у Французженокъ покои такъ хорошо убраны, какъ бывало у насъ.

Г. де Помпадуръ.

А, а! государыня моя, вы безъ чулокъ, у васъ ноги голы; право, онѣ красиво увиты прекрасною лѣнтою, на подобїе древней римской обуви.

Туллїя.

Мы не употребляли чулокъ; ето прекрасное и спокойное изобрѣтенїе, которое я предпочитаю нашей древней обуви.

Г. де Помпадуръ.

Не погнѣвайтесь, государыня моя, я думаю что вы безъ рубашки.

Туллїя.

Да, государыня моя, мы не нашивали ихъ въ наше время.

Г. де Помпадуръ.

А въ которое время вы жили, государыня моя?

Тул-

Туллія.

Во время *Силы*, *Помпея*, *Цесаря*, *Катона*, *Катилины*, *Цицерона*, коего имѣю я честь быть дочерью; сего *Цицерона*, коего одинъ вами покровительствуемый сочинитель представилъ разговаривающимъ варварскими стихами *). Вчера была я въ Парижскомъ театрѣ, тамъ представляли *Катилину* и всѣхъ знатныхъ особъ моего времяни; я изъ нихъ ни одной не узнала. Отецъ мой уговаривалъ меня, чтобъ я здѣлала первое предложеніе *Катилинѣ*; я была весьма удивлена. Но, государыня моя, мнѣ кажется, что у васъ тамъ очень хорошіе зеркала, у васъ ими наполнена вся комната. Наши зеркала и въ шестую долю не были противъ вашихъ, не стальные ли онѣ?

*) *Въ трагедіи Катилины.*

Г. де Помпадуръ.

Нѣтъ, государыня моя, они здѣланы изъ песку и у насъ ихъ очень довольно.

Туллїя.

Вотъ прекрасное искуство; я признаюсь, что мы такого искуства не знали. Ахъ! какая у васъ прекрасная картина!

Г. де Помпадуръ.

Ето не картина, а Эстампъ; она здѣлана изъ сажи и въ одинъ день по сту ихъ отпечатываютъ. Сїя тайна сохраняетъ вѣковѣчно картины, кои отъ времени повреждаются.

Туллїя.

Сїе новвымышленное искуство удивительно: у нашихъ Римлянъ ничего такого не было.

Одинъ ученый, которой находился при уборномъ столикѣ, сказалъ Туллїи, вынувши книжку изъ своего кармана:

Вы

Вы гораздо болѣе удивитесь, государыня моя, узнавъ что сія книга не рукою написана, что она почти такъ же, какъ сіи Эстампы напечатана, и что сіе изобрѣтеніе равномѣрно предаетъ вѣчности произведеніи разума.

Ученый поднесъ свою книгу Тулліи; это было собраніе Стиховъ сочиненныхъ Госпожѣ Маркизшѣ; Туллія прочитавъ оныхъ страницу, удивлялась литерамъ, и сказала сочинителю:

Туллія.

Государь мой, печатаніе есть прекрасная вещь; и если оно можетъ предать вѣчности таковые стихи, то сіе кажется мнѣ есть сильное дѣйствіе искусства. Но не употребилиль вы сего изобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, для напечатанія твореній Отца моего?

Ученый.

Всеконечно, Государыня моя; но уже ихъ больше не чита-

ютъ; я о томъ въ разсужденіи Вашего отца сожалѣю; и нынѣ намъ только имя его извѣстно.

Въ сіе время принесли шоколадъ, чай, кофе, мороженое. Туллія была удивлена видя лѣтомъ сливки и смородину замороженые. Ей сказали, что сіи жидкости загустѣвшіе были составлены въ шесть минутъ посредствомъ селитры, коею они были осыпаны, и что движеніемъ учинены оное сгущеніе и оное замороженіе. Она была изумлена отъ удивленія. Чернота шеколада и кофею произвела въ ней сперва нѣкоторое отвращеніе; она спросила, какимъ образомъ сіи жидкости были выжаты изъ тутошнихъ растѣній. Герцогъ и Перъ, которой тутъ же находится, отвѣчалъ ей:

Плоды, изъ коихъ сіи жидкости составлены, привозятся изъ другой части свѣта, и изъ самой Аравіи.

Туллія.

Что касается до Аравіи, я ее знаю, но никогда не слыхала о томъ, что вы называете *Кофіемъ*;

а что принадлежитъ до другой части свѣта, то я только ту знаю, откуда я сюда пришла; но я васъ увѣряю, что въ сей части свѣта ни какого нѣтъ шоколаду.

Г. Герцогъ.

Часть свѣта, о коей вамъ, Государыня моя, говорю, есть матерая земля называемая *Америкою*, почти столько же обширная, какъ вся вмѣстѣ *Азія*, *Европа*, и *Африка*, и о которой имѣются извѣстіи гораздо вѣрнѣйшіе, нежели о той, изъ коей Вы пришли.

Туллія.

Какъ! по етому мы, которые назывались обладателями вселенныя, владѣли только половиною оной? Это уничижительно.

Ученый, прогнѣванный тѣмъ, что госпожа Туллія нашла стихи его худыми, сказалъ ей грубо:

Ваши

Ваши Римляне величавшïеся обладательствомъ надъ всею вселенною, и двацатой части не завоевали оной. У насъ теперь есть на краю Европы имперïя, которая одна несравненно пространнѣе, нежели Римская; она управляема Государынею, которая умнѣе и прекраснѣе нежели Вы, и которая носитъ сорочку. Еслибъ она прочла мои стихи, я увѣренъ что конечно бы ихъ одобрила.

Госпожа Маркизша приказала замолчать ученому, который не имѣлъ почтенïя къ Римской госпожѣ, дочерѣ Цицерона. Господинъ Герцогъ изъяснилъ какимъ образомъ обрѣли Америку; и вынувъ часы, у которыхъ щеголевато привѣшенъ былъ маленькой компасъ, показалъ ей, что посредствомъ магнитной стрѣлки прибыли въ другую половину шара земнаго. Удивленïе Римлянки усугублялось при каждомъ произносимомъ ей словѣ, и при всемъ виденномъ ею; на конецъ она вскричала:

Я

Туллія.

Я начинаю бояться, чтобъ нынѣшніе не превзошли древнихъ; я пришла о томъ провѣдать, и чувствую, что прійду къ моему отцу съ печальными извѣстіями.

Г. Герцогъ отвѣтствовалъ ей слѣдующее:

Не безпокойтесь, государыня моя; никакой между нами человѣкъ не уподобляется вашему знаменитому отцу; ни одинъ не походитъ на *Цесаря*, во время котораго Вы жили, ни на вашихъ *Сципіоновъ*, кои прежде его были. Станется, что Естество производитъ нынѣ такъ же, какъ и прежде, таковые превосходные души; но сіи преизящные отрасли не созрѣваютъ на худой землѣ.

Но не таково бываетъ съ художествами и науками; время и щастливые случаи привели ихъ въ совершенство. Намъ удобнѣе, на примѣръ,

мѣръ, имѣть *Софокловъ* и *Еврипидовъ*, нежели мужей подобныхъ вашему отцу, по тому что у насъ есть театры, и что мы не имѣемъ древнихъ каѳедръ, на коихъ были говорены рѣчи. Вы осмѣяли трагедію *Катилины*; но когда увидите Вы представленнаго *Федра*, можетъ быть согласитесь, что роль *Федра* въ *Расинѣ*, несравненно превосходнѣе предъ образцомъ извѣстнымъ вамъ въ *Еврипидѣ*. *Я* уповаю, что Вы согласитесь, что нашъ *Мольеръ* превосходитъ Вашего *Теренція*. *Я* буду имѣть честь, если Вы позволите, препроводить Васъ въ *Оперу* и Вы удивитесь услыша поющіе голоса. Тамъ то узнаете Вы еще неизвѣстное Вамъ искуство.

Вотъ, Государыня моя, маленькое зрительное стекло; извольте приложить оное къ Вашему глазу, и посмотрите на сей домъ, которой отъ сюда отстоитъ за милю.

Тул-

Туллія.

Клянусь Вамъ, что сей домъ находится у самаго стекла, и представляется гораздо больше, нежели просто на него глазами смотрѣть.

Г. Герцогъ.

Такимъ образомъ, Государыня моя, посредствомъ сей игрушки, узрѣли мы новые небеса, такъ какъ съ помощїю магнитной стрѣлки открыли новую Гемисферу. Видите ли Вы сїе другое лакомъ покрытое орудїе, въ которое искусно вставлена небольшая стекляная трубка? посредствомъ сей вещицы узнали мы настоящую степень тяжести воздуха.

На конецъ по многихъ слабыхъ изысканїяхъ, появился нѣкоторой человѣкъ, которой открылъ первую силу Естества, причину тяжести, и который доказалъ, что небесные свѣтила утверждаются

на

на землѣ, а земля на нихъ. Онъ раздѣлилъ на разные цвѣты солнечный свѣтъ такъ, какъ наши госпожи разничиваютъ золотую Парчу.

Туллія.

Что такое значитъ разничивать, государь мой?

Г. Герцогъ.

Государыня моя, такого слова, которое бы оному отвѣчало, нѣтъ въ Цицероновыхъ рѣчахъ. Оно значитъ разбирать матерію, распускать ее пониточно и отдѣлять отъ оной золото. Такимъ образомъ учинилъ *Невтонъ* съ солнечными лучами; небесные свѣтила были ему подвластны; а нѣкто именемъ *Локъ* тоже здѣлалъ съ человѣческимъ разумѣніемъ.

Туллія.

Вы много объ етомъ знаете въ разсужденіи *Герцога* и *Пера*; Вы мнѣ кажетесь болѣе свѣдущимъ, нежели

сей

сей *ученой*, который хочетъ чтобъ я его стихи похвалила, и Вы гораздо вѣжливѣе, нежели онъ.

Г. Герцогъ.

Государыня моя, сïе отъ того происходитъ, что я лучше его воспитанъ; чтожъ принадлежитъ до моей науки, то она очень обыкновенная; молодые люди вышедши изъ училищъ, болѣе о томъ знаютъ, нежели всѣ ваши древнïе философы. Жаль только, что мы ввели въ употребленïе въ нашей Европѣ полдюжины дурныхъ весьма несовершенныхъ языковъ на мѣсто прекраснаго Латынскаго, который отецъ вашъ толь удивительно употреблялъ; но и съ грубымъ нарѣчïемъ мы успѣли сочинить прекрасныя творенïя, и въ самыхъ словесныхъ наукахъ.

Туллïя.

Надобно думать, что народы вступившïе послѣ въ Римскую имперïю,

перїю, жили всегда во глубокой тишинѣ, и что со времени отца моего до васъ имѣли вы всегда великихъ мужей, поелику изобрѣли толико новыхъ художествъ, и успѣли толь хорошо въ познанїи неба и земли.

Г. Герцогъ.

Никакъ нѣтъ, государыня моя, мы варвары, почти всѣ пришедшїе изъ Скифїи разрушить вашу имперїю, науки и художества; мы жили семь или восемь сотъ лѣтъ, какъ дикїе, а въ совершенное варварство мы были погружены нѣкоторымъ родомъ чуждающихся общества людей, которые въ Европѣ помрачили грубымъ невѣжествомъ тотъ родъ человѣческїй, который былъ Вами просвѣщенъ и покоренъ. Вы удивитесь, что въ послѣднїе вѣки онаго варварства, между сими самыми людьми, между сими врага-

врагами разума, Естество произвело людей полезныхъ. Одни изобрѣли искуство пособлять старостiю ослабленному зрѣнiю; другiе растворили селитру съ угольемъ, и сiе доставило намъ военные орудiи, коими истребили бы мы *Сципiоновъ*, *Александра и Цесаря*, Македонскую Фалангу и всѣ ваши Легiоны; но сiе не отъ того происходитъ, чтобъ наши полководцы были искуснѣе *Сципiоновъ*, *Александровъ и Цесарей*; а отъ того, что у насъ лучшее, нежели у нихъ, оружiе.

Туллiя.

Я въ васъ безпрестанно нахожу вѣжливость знатнаго господина, съ ученостью статскаго человѣка; Вы были бы достойны быть Римскимъ Сенаторомъ.

Г. Герцогъ.

Ахъ! государыня моя; Вы гораздо достойнѣе быть первою дамою нашего двора.

Г. де Помпадуръ.

Госпожа *Туллїя* была бы для меня очень опасна.

Туллїя.

Поглядите въ ваши прекрасные изъ песку здѣланные зеркала, и Вы увидите, что Вамъ нѣчего опасаться. И такъ, государь мой, Вы наиучтивѣйшимъ въ свѣтѣ образомъ сказали, что Вы гораздо умнѣе насъ.

Г. Герцогъ.

Я сказалъ, государыня моя, что послѣднїе вѣки всегда просвѣщеннѣе нежели первые, только бы не было какой нибудь общей перемѣны, которая бы совершенно испровергнула всѣ памятники древности. У насъ были ужасные перемѣны, но маловременные; и въ сїи бурные времена довольно были щастливы въ сохраненїи творенїй вашего отца и трудовъ нѣкоторыхъ другихъ великихъ мужей; и такъ

свя-

священный огнь никогда совсѣмъ не угасалъ, и онъ наконецъ произвелъ почти повсемственное просвѣщенїе. Мы ругаемся надъ варварскими *Схоластиками*, которые между нами долгое время господствовали. Но мы почитаемъ *Цицерона* и всѣхъ древнихъ, кои научили насъ мыслить. Хотя мы имѣемъ другїе естественные законы кромѣ бывшихъ въ ваше время, но мы не имѣемъ другихъ правилъ краснорѣчїя, кромѣ отъ васъ занятыхъ, и симъ самымъ можетъ быть кончится споръ между людьми древняго и новаго вѣка.

Все собранїе было согласно съ мнѣнїемъ Господина Герцога. Потомъ пошли въ оперу Кастора и Поллукса. Туллїя весьма была допольна сочиненїемъ трагедїи и музыкою, не смотря на то, что голоса разнили. Она признала́сь, что такое зрѣлище было лучше, нежели сраженїе мечебойцовъ.

ПОВѢСТЬ
о
Еннїи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вы требуете отъ меня, государь мой, чтобъ я вамъ нѣсколько подробно разсказалъ о нашемъ другѣ почтенномъ *Фрейндѣ* и о странномъ его сынѣ. Свободное время, которымъ я на конецъ пользуюсь по отъѣздѣ Милорда *Петербору*, позволяетъ мнѣ васъ удовольствовать. Вы такъ же будете удивлены, какъ я; и вы раздѣлите всѣ мои чувствованїя.

Вы совсѣмъ не видѣли сего молодаго и нещастнаго *Енни*, сего единороднаго *Фрейндоваго* сына, коего отецъ взялъ съ собою въ Гишпанїю

панію, когда былъ онъ въ 1705 мъ году Капеланомъ при нашей арміи. Вы отправились въ Алепъ прежде, нежели Милордъ осадилъ Барцелону; но вы мнѣ справедливо сказываете, что *Енни* былъ любезнаго и пріятнаго вида, и что были въ немъ видны мужество и разумъ. Ето самая правда; онъ всякому казался любви достойнымъ. Сперьва отецъ назначилъ его въ духовной чинъ; но какъ въ молодомъ человѣкѣ не было расположенія къ сему состоянію требовавшему искуства, осмотрительности и тонкости, то отецъ вообразилъ себѣ, что онъ бы здѣлалъ великое преступленіе и дурачество, если бы сталъ принуждать его склонность.

Еннію не было еще двадцати лѣтъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ служить волонтеромъ во время Монт-Жуйской осады, которую мы

благополучно окончили, и во время которой Гессенской Князь былъ убитъ. Бѣдной нашъ раненный *Енни* былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ городъ. Вотъ весьма вѣрное повѣствованїе о случившемся ему со времени Монт-Жуйскаго осажденїя, до взятїя Барцелоны. Сїе повѣствованїе учинено Каталанкою отъ части весьма вольною и весьма простосердечною; таковые писанїя не трогаютъ сердца разумнаго человѣка. Я у нее взялъ сїе повѣствованїе, когда вошелъ въ Барцелону, при свитѣ Милорда Петербору. Вы оное прочитаете такъ, какъ вѣрное описанїе той страны нравовъ.

При-

Приключеніе молодаго Агличанина Енни, писанное рукою Доны Ласъ-Налгасы.

Когда сказали намъ, что тѣ же дикіе, кои прилѣтали изъ неизвѣстнаго острова взять у насъ Гибралтаръ, прилетѣли осадить нашъ прекрасный городъ Барцелону, то мы девять дней сряду проводили въ молитвѣ и постѣ, дабы отвратить отъ себя приближающееся нещастіе.

Сей народъ, который изъ толь дальныхъ мѣстъ приходилъ насъ осадить, называется такимъ именемъ, кое трудно выговорить; онъ называется *Энглишъ* (Аглинской). Нашъ почтенный отецъ Инквизиторъ *Донъ - Еронимо - Буено - Каракукарадоръ* говорилъ слово противу оныхъ разбойниковъ. Онъ на-

лагалъ на нихъ совершенное проклятіе. Онъ насъ увѣрилъ, что *Энглиши* имѣютъ хвосты какъ обезьяны, медвежьи лапы и головы попугаевъ, что иногда говорили они какъ настоящіе люди, но почти всегда свистали; что сверьхъ того были они явно такіе Еретики, кои не должны были себѣ ожидать никакого помилованія; и что слѣдственно всѣ они непремѣнно будутъ истреблены, а особливо когда прійдутъ къ Монтъ-Жуи. Не успѣлъ кончить онъ сіе слово, какъ извѣстились мы, что Монтъ-Жуи былъ взятъ приступомъ.

Въ вечеру сказали намъ, что при семъ приступѣ ранили мы молодаго *Энглиша*, и что онъ былъ въ нашихъ рукахъ. По всему городу кричали: Виторія, Виторія! (побѣда, побѣда), и повсюду были зажжены радостные огни.

Дона

Дона - Бока - Вермея, которая имѣла честь быть любовницею почтеннаго отца Инквизитора, чрезвычайно желала видѣть, какъ было животное *Энглишъ* Еретикъ создано. Она была моя искренная пріятельница. *Я* такъ же была любопытна какъ она. Но надлежало обождать пока будетъ онъ исцѣленъ отъ своей раны; что скоро и воспослѣдовало.

Скоро потомъ освѣдомились мы, что онъ хотѣлъ быть въ бани у моего двоюроднаго брата Элвоба Банщика, которой, какъ то небезъизвѣстно, есть наилучшій въ городѣ лѣкарь. Нетерпѣливость увидѣть сіе чудовище, усугубилась въ пріятельницѣ моей *Бокѣ-Вермеи*. Мы не имѣли терпѣнія, не имѣли покою, безпокоили моего двоюроднаго брата Банщика, пока не уговорили его, чтобъ онъ насъ спряталъ въ маленькой

горинкѣ позадѣ решетки, сквозь которую была видна ванна. Мы туда вошли на цыпочкахъ, не дѣлая ни какого щуму, не говоря, не смѣя дышать, точно въ то время, когда Энглишъ выходилъ изъ воды. Онъ стоялъ къ намъ затылкомъ. Онъ снялъ колпачокъ, подъ которой подобраны были его бѣлокурые волосы, кои распустились большими кудрями по прекрасной спинѣ, какой я еще въ жизни моей не видѣла. Руки его, лядвïи, ноги, показались мнѣ толь прекрасны, толь совершенны и толь прïятны, какъ по моему мнѣнïю у Бельведерскаго въ Римѣ Апполона, съ коего копïя есть у моего дяди Истуканщика.

Дона-Бока-Вермея была поражена отъ удивленïя и восхищенïя. Я была подобно же ей въ восхищенïи. Я не могла воздержаться, что бъ не сказать, *oh che hermoso muchacho!*

сно! Сіи выговоренные мною слова заставили молодаго человѣка оборотиться. Тогда были мы и больше еще плѣнены. Мы узрѣли лицо Адониса и тѣло молодаго Геркулеса. *Дона-Бока-Вермея* и я такъ же чуть было на взничь не упали. Глаза ея воспламенилися и покрылись нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ, сквозь который виденъ былъ въ нихъ сверкающій пламень. Я не знаю каковы мои были.

Когда пришла она въ себя, то сказала мнѣ: не ужъ ли Еретики толь прекрасны? Ахъ, какъ насъ обманули!

Мы какъ можно пожже оттуда вышли. *Бока-Вермея* скоро была обьята силнѣйшею любовію къ Еретическому чудовищу. Я признаюсь, что она меня пригожѣе; признаюсь такъ же и въ томъ, что я сугубо почувствовала въ себѣ ревни-

вость. Я ей представила, что она бы очень согрѣшила измѣня для *Энглиша* почтенному отцу Инквизитору *Донъ-Еронимо-Буено-Каракукарадору*. Ахъ! моя любезная *Ласъ-Налгасъ*, сказала мнѣ она (ибо *Ласъ-Налгасъ* есть мое имя), я бы всякому измѣнила для сего прекраснаго молодаго человѣка. Она то здѣлать не преминула; и для меня сей ея поступокъ былъ весьма чувствителенъ.

Одинъ изъ офицеровъ Инквизиціи, который усердные обѣты приносилъ, чтобъ истребить Агличанъ, провѣдалъ о нашихъ похвальныхъ подвигахъ. Сей почтенный Отецъ *Донъ-Каракукарадоръ* наказалъ насъ обѣихъ плѣтью. Онъ приказалъ двадцати четыремъ Алгвазиламъ Сент-Германдадскаго суда взять подъ стражу нашего дорогаго *Энглиша*. Енни пятерыхъ изъ нихъ убилъ,

билъ, и былъ взятъ девятнадцатью оставшимися. Его оставили для отдохновенія въ весьма прохладномъ погребѣ. Было опредѣлено въ слѣдующее воскресеніе сожечь его въ церемоніи, одѣвъ его въ Саванъ и возложа на него шапку, которая по кроемъ подобна была сахарной головѣ. *Донъ-Каракукорадоръ* сочинилъ прекрасную рѣчь; но ему не удалось оной говорить, по тому что въ самое воскресеніе въ четыре часа по утру городъ былъ взятъ.

Тутъ кончится повѣствованіе Доны *Ласъ-Нилгасы*. Она была такая женщина, которой не недоставало нѣкотораго разума, Гишпанцами называемаго Agudezza.

ГЛА-

ГЛАВА II.

Продолженіе приключеній молодаго Агличанина Енни и Отца его Доктора Теологіи, члена Парламента и Королевскаго Общества.

Вамъ небезъизвѣстно, какъ удивительно поступалъ Графъ *Петербору* по завладѣніи Барцелоною, какъ возпрепятствовалъ онъ грабительству, съ какою скорою прозорливостію привелъ онъ все въ порядокъ, какъ отнялъ онъ Герцогиню де *Пололи* изъ рукъ нѣкоторыхъ пьяныхъ нѣмецкихъ солдатъ, кои ее ограбили и чинили насиліе. Но можете ли вы вообразить себѣ совершенно удивленіе, печаль, отчаяніе, гнѣвъ, слезы, восторги нашего друга *Фрейнда*, когда узналъ онъ, что *Енни* былъ въ тюрмѣ Инквизиціи, и что срубъ былъ приготовленъ

вленъ для сожженія его? Вы знаете, что хладнокровнѣйшіе головы бываютъ въ важныхъ случаяхъ разгорячены. Вы бы увидѣли, что сей отецъ, который казался вамъ толь важнымъ и толь непоколебимымъ, бѣжалъ въ пещеру Инквизиціи скорѣе, нежели какъ наши самые добрые лошади бѣгаютъ въ Невмаркетѣ. Пятьдесять солдатъ, кои сильно запыхавшись гнались за нимъ, были всегда за двѣсти шаговъ отъ него. Онъ приходитъ, идетъ въ пещеру. Какая минута! сколько слезъ и какая радость! двадцать жертвъ назначенныхъ къ такой же церемоніи какъ *Енни*, освобождены. Всѣ сіи невольники вооружаются; всѣ соединяются съ нашими солдатами; они разламываютъ Инквизицію въ десять минутъ и завтрикаютъ на ея развалинахъ, вино и окороки Инквизиторовъ.

Средѣ

Средѣ сего шума и трубныхъ голосовъ, барабанныхъ боевъ и пальбы изъ четырехъ сотъ пушекъ, кои возвѣщали объ одержаніи нами побѣды въ Каталоніи, другъ нашъ Фрейндъ воспріялъ свое извѣстное Вамъ спокойствіе. Онъ былъ спокоенъ какъ воздухъ въ прекрасный день послѣ бури. Онъ возвышалъ къ Богу сердце свое толь веселое, какъ лице его, какъ увидѣлъ онъ вылѣзающее изъ погребной отдушины черное страшилище въ странномъ одѣяніи, кое бросилось къ его ногамъ и просило о помилованіи. Кто ты таковъ? сказалъ ему нашъ другъ; не изъ ада ли ты пришелъ? Почти такъ, отвѣчалъ другой; я Донъ - Ерониможо- Буено- Карамукарадоръ, Инквизиторъ; я всепокорнѣйше прошу Васъ простить меня въ томъ, что хотѣлъ было господина Вашего сына сжечь на всенародной площадѣ; я его почиталъ за жида.

Ахъ! хотя бы онъ былъ жидъ, отвѣчалъ нашъ другъ съ своею обыкновенною хладнокровностію, пристойно ли Вамъ, господинъ *Каракукарадоръ*, жечь людей для того, что они произошли отъ рода, который прежде жилъ въ маленькомъ каменистомъ округѣ возлѣ самой Сирійской пустыни? Какая Вамъ нужда разбирать наблюдаемые имъ обряды? Онъ жидъ, такъ потому и должно его сжечь; а имѣніе его все мнѣ принадлежитъ! Это весьма худое доказательство; въ Королевскомъ Лондонскомъ обществѣ такъ не разсуждаютъ.

Не ужъ ли Вамъ, господинъ *Каракукарадоръ*, не извѣстно что и многіе достопамятные люди произошли отъ жидовъ? Однако жъ сынъ мой не жидъ, онъ Агличанинъ: откуда Вамъ въ голову пришла мысль сжечь его?

Ин-

Инквизиторъ *Каракукарадоръ* испуганный наукою господина *Фрейнда*, и лежа непрестанно у ногъ его, сказалъ ему: Ахъ! мы ни чего етого не знали въ Саламанскомъ университетѣ. Простите меня; настоящая причина тому есть та, что господинъ Вашъ сынъ отнялъ у меня мою любовницу *Боку-Вермею*. А! если онъ у Васъ отнялъ Вашу любовницу, отвѣчалъ *Фрейндъ*, то ето другое дѣло; никогда не должно отнимать добра чужаго. Но сія причина не есть достаточна (какъ сказываетъ Лейбницъ), чтобъ сжечь молодаго человѣка. Надобно соразмѣрять наказанія съ преступленіями. Вы всѣ живущіе за Британскимъ моремъ къ южной сторонѣ, скорѣе сожигали своихъ собратій, нежели мы въ Лондонѣ жаримъ баранину. Но пускай приведутъ сюда Дѣвицу *Боку-Вермею*,

дабы

дабы я могъ отъ нее самой узнать правду.

Бока-Вермея была приведена плачущая и слезами своими украшенная, что обыкновенно бываетъ. Правда ли, Государыня моя, что Вы нѣжно любили *Дона-Каракукарадора*, и что сынъ мой *Енни* взялъ Васъ насильно? —— Насильно! господинъ Агличанинъ! Ето дѣйствительно происходило отъ желанія моего собственнаго сердца. Я ничего не видывала толь прекраснаго и толь милаго, какъ господинъ Вашъ сынъ; и я Васъ почитаю весьма благополучнымъ, что Вы его отецъ. Я сама старалась всячески его приласкать; онъ очень того достоинъ; и я за нимъ послѣдую на край свѣта, если свѣтъ имѣетъ край. Я всегда имѣла въ душѣ моей отвращеніе къ сему гнусному Инквизитору, которой почти до крови высѣкъ

плѣтью меня и дѣвицу *Ласъ-Налгасу*. Если Вы хотите здѣлать мою жизнь прiятною, то прикажите повѣсить сего бездѣльника у моего окна, между тѣмъ какъ я учиню господину Вашему сыну присягу въ сохраненiи къ нему вѣчной любви. Я бы себя щасливою почитала, если бъ когда нибудь могла родить ему такого сына, которой бы на Васъ походилъ.

И дѣйствительно въ то самое время, какъ *Бока-Вермея* толь откровенно говорила, Милордъ *Петербору* послалъ за Инквизиторомъ *Каракукарадоромъ*, чтобъ велѣть его повѣсить. Вы не будете удивлены когда я Вамъ скажу, что господинъ *фрейндъ* сильно тому воспротивился. Пускай Вашъ справедливый гнѣвъ, сказалъ онъ, уступитъ Вашему великодушiю; никогда не надобно умерщвлять человѣ-

ка,

ка, кромѣ только въ такомъ случаѣ, когда совершенная необходимость для спасенія ближняго того требуетъ. Гишпанцы скажутъ, что Агличане варвары отнимающіе жизнь у всѣхъ, кто имъ ни попадется. Сіе можетъ весьма обезславить Господина Эрцъ-Герцога, для котораго взяли Вы Барцелону. Я и тѣмъ весьма доволенъ, что мой сынъ спасенъ, и что сей бездѣльникъ не можетъ уже своихъ Инквизиторскихъ должностей исправлять. На конецъ премудрый и милостивый *Фрейндъ* такъ словами своими убѣдилъ Милорда, что онъ велѣлъ только плѣтьми высѣчь *Каракукарадора*, такъ какъ сей подлецъ поступилъ съ дѣвицею *Бокою-Вермееі́ю* и дѣвицею *Ласъ-Налгасою*.

Толикое милосердіе тронуло сердце Каталанцовъ. Освобожденные изъ погребовъ Инквизиціи, по-

чувствовали, что наша вѣра была гораздо лучше ихъ. Всѣ почти просили они о пріобщеніи ихъ къ Англиканской церкви; да и нѣкоторые изъ самыхъ Бакалавровъ Саламанскаго университета, кои въ Барцелонѣ находились, желали быть просвѣщены. Вскорѣ большая часть изъ нихъ была къ оной церкви принята. Одинъ только Бакалавріӣ *Донъ Иниго, и Медрозо, и Комодіосъ, и Папаламіендо* былъ нѣсколько упрямъ, и нѣкоторымъ образомъ спорилъ съ нашимъ другомъ *Фреиндомъ*, въ присутствіи Милорда *Петербору*.

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Лондонъ; Енни начинаетъ развращаться.

Между тѣмъ, какъ нашъ достойный Философъ *Фреиндъ* такимъ образомъ

образомъ просвѣщалъ Барцелонянъ и какъ сынъ его *Енни* плѣнялъ Барцелонокъ, Милордъ *Петербору* пришелъ въ немилость у Королевы *Анны* и Эрцъ-Герцога, за то что досталъ имъ Барцелону. Придворные упрекали его тѣмъ, что онъ сей городъ взялъ противу всѣхъ правилъ, съ войскомъ въ половину менѣе сильнымъ, нежели Гарнизонъ. Эрцъ-Герцогъ сперва былъ тѣмъ весьма огорченъ, и другъ нашъ *Фрейндъ* былъ принужденъ напечатать оправданіе Полководца. Между тѣмъ сей Герцогъ пришедшій завоевать Гишпанское Королевство, не имѣлъ чѣмъ за свой шеколадъ заплатить. Все данное ему Королевою Анною, было расточено. *Монтекукули* въ своихъ запискахъ написалъ, что для войны потребны три вещи: 1е *деньги*, 2е *деньги* 3е *деньги*. Эрцъ-Герцогъ написалъ изъ Гвада-

лаксара, гдѣ былъ онъ 3го Августа 1706 года, къ Милорду *Петербору* пространное письмо, подписанное *Yo el Rey*, коимъ онъ его покорно просилъ немедленно съѣздить въ Генуу пріискать для него въ займи сто тысячь фунтовъ Стерлинговъ, для подкрѣпленія своей власти. И такъ нашъ *Серторіусъ* здѣлался Женевскимъ Банкиромъ Полководца: Онъ открылся въ семъ безпокойномъ дѣлѣ добродушному *Фрейнду*. Оба они отправились въ Генуу; и я за ними послѣдовалъ; ибо вы знаете, что сердце мое меня влечетъ. Я дивился искуству и убѣдительному разуму моего друга, въ семъ нѣжномъ дѣлѣ. Я примѣтилъ, что здравой разумъ можетъ ко всему способствовать. Нашъ великій *Локъ* былъ врачь; онъ одинъ былъ въ Европѣ Метафизикъ, и онъ возстановилъ Аглинскую монету.

Фрейндъ дни чрезъ три промыслилъ сто тысячь фунтовъ Стерлинговъ, кои дворъ Карла VI проѣлъ менѣе, нежели въ три недѣли. Послѣ чего надлежало Полководцу купно съ своимъ Теологомъ ѣхать въ Лондонъ для оправданія себя предъ цѣлымъ Парламентомъ, въ томъ что противу правилъ завоевалъ Каталоонію и разорился служа для общаго дѣла. Дѣло длилось и причиняло досаду, какъ то обыкновенно бываетъ во всѣхъ тяжбахъ.

Вамъ не безъизвѣстно, что господинъ Фрейндъ былъ отправленъ въ Парламентъ прежде, нежели имѣлъ онъ настоящій чинъ, и что онъ одинъ таковъ, которому было позволено исправлять сіи двѣ несовмѣстные должности. Однажды какъ сочинялъ онъ рѣчь, которую надлежало ему говорить въ мѣщанской Палатѣ, коея былъ онъ недо-

стойный членъ, то доложили ему, что одна Гишпанская Госпожа желаетъ говорить съ нимъ о весьма нужномъ дѣлѣ. Ето была сама *Дона-Бока-Вермея.* Она вся была въ слезахъ; добродушный другъ нашъ далъ ей позавтрикать. Она перестала плакать, позавтрикала и говорила ему такъ;

Вы помните, милостивый мой Государь, что Вы отъѣжая въ Генуу велѣли господину Вашему сыну *Енни* ѣхать изъ Барцелоны въ Лондонъ и опредѣлиться въ должность приказнаго служителя, которую стараніе Ваше ему доставило. Онъ отправился на кораблѣ *Тритонѣ* съ молодымъ Бакалавріемъ *Донъ-Папа-Дександомъ* и съ нѣкоторыми прочими, коихъ Вы обратили. Вы можете представить себѣ, что и я въ семъ путешествіи была съ моею пріятельницею *Ласъ-Налгасою.*

Вы

Вы знаете, что Вы мнѣ позволили любить господина Вашего сына, и котораго я обожаю...

Я, Государыня моя! я Вамъ сего не позволялъ, я въ томъ снисходилъ: а ето совсѣмъ дѣло другое. Доброй отецъ не доженъ быть ни тираномъ сына своего, ни его Меркуріемъ. Любодѣяніе между двумя свободными человѣками, можетъ быть въ прежніе времена было нѣкоторымъ родомъ Естественнаго права, коимъ *Енни* и можетъ скромно пользоваться, такъ чтобъ я въ то не мѣшался; я ему не дѣлаю принужденія въ разсужденіи его любовницъ такъ равно, какъ въ разсужденіи его обѣда и ужина. Если бы дѣло шло о прелюбодѣяніи, то признаюсь, что я былъ бы несговорчивѣе, поелику оно есть кража; но что касается до Васъ, Государыня моя, то Вы, такъ какъ дѣвица, ни

кому не дѣлаете обиды, и я Вамъ ничего не могу сказать.

Ну, Государь мой, дѣло касается до прелюбодѣянія. Прекрасной *Енни* оставляетъ меня ради одной молодой замужней женщины, которая не столько пригожа, какъ я. Вы довольно чувствуете, что ето ужасная обида. Онъ виноватъ, сказалъ тогда Господинъ *Фрейндъ*. Бока-Вермея проливая слезы, разсказала ему, какъ *Енни* былъ ревнивъ, или казался быть ревнивымъ къ Бакалаврію; какъ Госпожа *Кливъ-Гартъ*, замужняя молодка, весьма безстыдная, весьма горячая, весьма мужелюбна, презлая, овладѣла его разумомъ; какъ жилъ онъ беззаконно съ развратными; какъ на конецъ презиралъ онъ свою вѣрную *Боку-Вермею* для плутовки *Кливъ-Гартъ*; по тому что она была нѣсколько бѣлѣе и румяннѣе, нежели бѣдная *Бока-Вермея*.

Я все сїе разсмотрю на досугѣ, сказалъ снисходительный *Фрейндъ*. Мнѣ надобно итти въ Парламентъ по дѣлу Милорда *Петербору*. И такъ пошелъ онъ въ Парламентъ. Я слышалъ, какъ онъ произносилъ тамъ рѣчь твердую и сильную, въ коей не было никакихъ простыхъ изреченїй, присловїй, связныхъ рѣчей; онъ не призывалъ ни свидѣтельства, ни закона; но онъ предлагалъ оные, изъяснялъ и на нихъ ссылался. Онъ не говорилъ, что бы вѣра суда была обольщена обвиненїемъ Милорда *Петербору* за подверженїе имъ опасности войскъ Королевы *Анны*, ибо сїе дѣло не касалось до вѣры: онъ не употреблялъ догадокъ вмѣсто доказательства, не нарушалъ почтенїя къ знаменитому Парламентскому собранїю, простыми мѣщанскими шутками; не называлъ Милорда *Петербору* своимъ Клїентомъ,

томъ, по елику слово Клїентъ означаетъ мѣщанина Сенаторомъ покровительствуемаго. *Фрейндъ* говорилъ сколь скромно, столь и твердо; его слушали въ молчанїи и только сказывали: *hear him, hear him*! слушайте его, слушайте! Мѣщанская Палата подала голосъ поблагодарить Милорду Петербору вмѣсто обвиненїя его. Милордъ Петербору получилъ также правосудїе и отъ Палаты *Перовъ*, и изготовился опять ѣхать съ своимъ любезнымъ *Фрейндомъ* отдать Гишпанское Королевство Эрцъ-Герцогу: что однакожъ не сбылось; ибо ни что на семъ свѣтѣ не дѣлается по желанїю.

По выходѣ изъ Парламента всего для насъ было нужнѣе пойти освѣдомиться о Еннїевомъ поведенїи. Въ самомъ дѣлѣ узнали мы, что онъ провождалъ жизнь въ распут-

путствѣ и пьянствѣ, съ госпожею *Кливъ-Гартою* и съ шайкою развратныхъ людей. Они были сущїе повѣсы; думали обо всемъ странно, всему противорѣчили и прековарные были злословы.

Но всего хуже то, что *Енни* былъ по уши въ долгахъ; онъ уплачивалъ оные страннымъ образомъ. Одинъ изъ Заимодавцовъ его пришелъ требовать отъ него въ тотъ самой день сто Гвиней, между тѣмъ какъ мы были въ Парламентѣ. Прекрасный *Енни*, который до того казался тихимъ и весьма учтивымъ, подрался съ нимъ, и во уплату всего поразилъ онъ его жестоко шпагою. Боялись, чтобъ раненный отъ того не умеръ: *Еннїя* чуть было не посадили въ тюрму и чуть было не повѣсили его, не взирая на покровительство *Милорда Петерборy*.

ГЛА-

ГЛАВА IV.

Хотятъ женить Енні́я.

Мы помнимъ, мой любезной другъ, печаль и огорченіе, которое почтенный *Фрейндъ* почувствовалъ, когда узналъ онъ, что его любезный *Енни* былъ въ Барцелонѣ въ тюрмѣ Инквизиціи. Думайте же, что онъ былъ объятъ гораздо большимъ гнѣвомъ, услыша о поступкахъ сего нещастнаго сына, о его распутствахъ, мотовствахъ, о томъ, какимъ образомъ платилъ онъ своимъ Заимодавцамъ, и объ опасности его быть повѣшеннымъ. Но *Фрейндъ* воздержался. Сей превосходный человѣкъ весьма удивительную имѣетъ надъ собою силу. Разсудокъ его управляетъ сердцемъ его, такъ какъ доброй хозяинъ порядочнымъ слугою. Онъ все дѣлаетъ къ стать и поступаетъ благоразумно съ

толи-

толикою скоростїю, съ коликою безразсудные отваживаются. Не время, сказалъ онъ, журить *Еннїя*, его надобно отъ бѣды избавить.

Надобно Вамъ знать, что нашъ другъ получилъ на канунѣ превеликую сумму изъ наслѣдства *Георга Губерта*, своего дяди. Онъ самъ идетъ къ нашему великому Лѣкарю *Хезелдену*. Мы его благополучно застали; и пошли вмѣстѣ съ нимъ къ раненному Заимодавцу. Господинъ *Фрейндъ* велѣлъ осмотрѣть рану; она не была смертельна. Онъ даетъ больному сто гвиней на первую перевязку, а протчїе пятдесятъ какъ бы во удовлетворенїе за учиненную ему обиду. Онъ проситъ о прощенїи его сына, изъясняетъ печаль свою съ толикою нѣжностїю, съ толикою истинною, что сей бѣдной человѣкъ лежавшїй на постѣлѣ, обнимаетъ его проливая

слезы,

слезы, и хочетъ возвратить ему деньги. Сїе зрѣлище удивляло и смягчало молодаго Господина *Хевелдеча*, которой начинаетъ прїобрѣтать себѣ великую славу, и коего сердце такъ же доброе, какъ взоръ его и рука искусны. Я былъ тронутъ, былъ я внѣ себя; и я никогда столько не почиталъ, столько не любилъ нашего друга.

Я у него спросилъ, когда возвратились мы домой, не прикажетъ ли онъ своему сыну прїйти къ нему, и не представитъ ли онъ ему о его погрѣшностяхъ. Нѣтъ, сказалъ онъ; я хочу чтобъ онъ ихъ почувствовалъ прежде, нежели я ему объ оныхъ стану говорить. Отъужинаемъ сего вечера оба вмѣстѣ; мы посмотримъ, что честность обязываетъ меня здѣлать. Примѣры гораздо лучше исправляютъ, нежели выговоры.

Во

Во ожиданіи ужина, пошелъ я къ *Еннію*; я его нашелъ такимъ, каковымъ по моему мнѣнію всякой человѣкъ бываетъ послѣ своего перьваго злодѣянія; онъ былъ блѣденъ, имѣлъ глаза мутные, голосъ хрипливой и прерывающійся, разумъ колеблемый, и отвѣчалъ на все ему говоренное, не такъ какъ бы надлежало. На конецъ я его увѣдомилъ о томъ, что Отецъ его здѣлалъ. Онъ сталъ неподвиженъ, глядѣлъ на меня пристально, потомъ на минуту отворотился пролить слезы. Я изъ того много хорошаго заключилъ; и почувствовалъ въ себѣ великую надежду, что *Енни* можетъ нѣкогда быть пречестнымъ человѣкомъ. Я было хотѣлъ обнять его, какъ Госпожа *Кливъ-Гартъ* вошла съ однимъ молодымъ Вертопрахомъ *Бишрономъ*, который былъ въ числѣ его друзей.

Ну, сказала сія Госпожа смѣючись, правда ли, что ты сего дня умертвилъ человѣка? Видно, что ето былъ какой ни будь негодяй; отъ таковыхъ людей очень нужно очищать землю. Когда тебѣ вздумается кого нибудь другаго убить, то прошу тебя дать въ семъ преимущество моему мужу; ибо онъ мнѣ ужасно наскучилъ.

Я олгядѣлъ сію женщину съ ногъ до головы. Она была прекрасна; но на лицѣ ея изображалась нѣкоторая злость. *Енни* не смѣлъ отвѣчать, и потупилъ глаза въ землю, по тому что я тамъ былъ. Что съ тобою, другъ мой, здѣлалось? сказалъ ему *Биртонъ*. Кажется, что ты нѣчто худое здѣлалъ; я пришелъ отпустить тебѣ грѣхъ. Вотъ маленькая книжонка, которую я теперь только купилъ у *Линтота*; въ ней доказывается такъ

такъ вѣрно, какъ дважды два четыре, что иногда и самой честной человѣкъ невинно подвергается злодѣянію. Сіе весьма утѣшительно. Выпьемъ вмѣстѣ.

При такомъ странномъ разговорѣ ушелъ я поскорѣе. Я со скромностію далъ Господину *Фрейнду* примѣтить, сколь для его сына были нужны присутствіе его и совѣты. Я то понимаю такъ какъ Вы, сказалъ сей добрый отецъ; но заплатимъ сперьва его долги. На другой день по утру всѣ они были заплачены. *Енни* пришелъ повергнуть себя къ его стопамъ. Повѣрите ли Вы, что отецъ не здѣлалъ ему никакого выговора! Онъ его предалъ совѣсти его; и только сказалъ ему: сынъ мой, помни, что нѣтъ благополучія безъ добродѣтели.

По томъ сочеталъ онъ бракомъ Боку-Вермею съ Каталонскимъ Бакалавріемъ, къ которому имѣла она тайную склонность, не смотря на слезы, кои проливала она для Енни.

Великодушный Фреиндъ снабдилъ двухъ новобрачныхъ приданымъ; онъ покровительствомъ Милорда *Петербору* опредѣлилъ къ изряднымъ мѣстамъ всѣхъ своихъ новообращенныхъ; ибо того не довольно, чтобъ обезпечить спасеніе людей; надобно доставить имъ и пропитаніе.

Исполня всѣ сіи благія дѣла съ великою хладнокровностію, которая всегда меня удивляла, заключилъ онъ, что инаго не оставалось предпріять для обращенія сына своего на путь честныхъ людей, какъ только женить его на такой благородной дѣвицѣ, которая была бы пригожа, добронравна, разумна и при

томъ

томъ нѣсколько достаточна, и что ето было одно средство отвести *Еннія* отъ мерзской *Кливъ-Гарты* и отъ развратныхъ людей, съ коими онъ водился.

Я слыхалъ о дѣвицѣ *Примерозѣ*, молодой наслѣдницѣ, воспитанной Госпожею *Гервеею*, ея матерью. Милордъ *Петербору* ввелъ меня къ Госпожѣ Гервеи. *Я* увидѣлъ дѣвицу Примерозу и разсудилъ, что она была весьма способна исполнить всѣ намѣренія моего друга *Фрейнда*. *Енни* въ распутной жизни своей имѣлъ глубокое къ своему отцу почтеніе и самую любовь. Онъ особливо былъ тронутъ тѣмъ, что отецъ его не дѣлалъ ему никакого выговора за его прежніе поступки. Долги его заплаченные такъ, что онъ о томъ не зналъ, разумные совѣты, данные къ статѣ и безъ выговоровъ, знаки дружбы

временемъ оказываемые безъ излишней откровенности, которая бы ихъ могла унизить, все сïе сильно трогало *Еннïя*, рожденнаго чувствительнымъ и съ великимъ разумомъ. *Я* совершенную имѣлъ причину думать, что жестокость распутствѣ его уступитъ прелестямъ *Примерозы* и удивительнымъ добродѣтелямъ моего друга.

Самъ Милордъ *Петербору* сперва представилъ отца, а по томъ *Еннïя* къ Милади *Гервеи*. *Я* примѣтилъ, что чрезвычайная Еннïева красота тотчасъ произвела сильное въ сердцѣ *Примерозы* дѣйствïе; я видѣлъ, что она глаза свои потупляла. *Енни* казался только вѣжливымъ; и *Примероза* призналась Милади *Гервеи*, что она бы очень желала, чтобъ сïя вѣжливость была любовïю.

Мало

Мало по малу молодой нашъ Красавецъ узналъ все достоинство сей безпримѣрной дѣвицы, хотя былъ онъ плѣненъ безчестною *Кливъ-Гартою*. Онъ подобенъ былъ нѣкоторому Индѣйцу званному Духомъ сорвать пріятный плодъ, и удерживаемому кохтями дракона. Тутъ воспоминаніе видѣннаго мною стѣсняетъ мой духъ. Слезы мои омочаютъ мою бумагу. Когда я опять прійду въ чувство, то стану продолжать мою исторію.

ГЛАВА V.

Ужасное Приключеніе.

Уже были готовы совершить бракъ прекрасной *Примерозы* съ пригожимъ *Енніемъ*. Другъ нашъ Фрейндъ никогда не чувствовалъ пріятнѣйшей

шей радости; я оную раздѣлялъ. Вотъ какимъ образомъ была она перемѣнена въ нещастіе, которое насилу я понять могу.

Кливъ-Герта любила *Еннія*, оказывая ему безпрестанно невѣрность. Таковъ есть, сказываютъ, жребій всѣхъ, кои презирая стыдливость отреклись отъ честности. Она больше всего измѣняла своему любезному *Еннію* для своего милаго *Биртона* и для другаго подобнаго сему Гуляки. Они вмѣстѣ провождали жизнь въ пьянствѣ. И можетъ быть только въ нашемъ народѣ видится, что всѣ они имѣли разумъ и мужество. Но по нещастію всегда имѣли они больше разума на злое. Домъ Госпожи *Клив-Гарты* былъ мѣстомъ свиданія развратныхъ людей. Добро, были бы они такіе добрые Верtопрахи, какъ *Епикуръ* и *Леонтіумъ*, какъ *Лукре*-

цій

цій и *Мемїусъ*, какъ *Спиноза*, который, сказываютъ, былъ самой честной человѣкъ въ Голландіи; какъ *Гоббесъ*, толь вѣрный своему злощастному Монарху Карлу первому... Но!.....

Какъ бы то ни было, *Кливъ-Тарта* ревнующая къ нѣжной и невинной Примерозѣ, не будучи вѣрна *Еннїю*, не могла терпѣть сего благополучнаго брака. Она умышляетъ отмщеніе, которому, я не думаю, чтобъ былъ примѣръ въ нашемъ городѣ Лондонѣ, гдѣ предки наши видѣли однакожъ множество разныхъ злодѣяній.

Она знала, что *Примероза* должна была ѣхать мимо ея дому, возвращаясь изъ города, куда поѣхала сія молодая дѣвица съ своею горничною служанкою для покупки товаровъ. Она употребляетъ сіе время для разрытія маленькаго под-

земельнаго канала, чрезъ который проходила вода въ ея домъ.

Карета *Примерозы* возвращаясь была принуждена остановиться на супротивъ разрытаго мѣста. *Кливъ Гарта* подходитъ къ ней, проситъ ее выйти изъ кареты и отдохнуть у нее, между тѣмъ пока будетъ исправлена дорога. Прекрасная *Примероза* при семъ предложенїи трепетала; но *Енни* былъ въ сѣняхъ. Невольное движенїе сильнѣе размышленїя, заставило ее выйти изъ кареты. *Енни* выбѣжалъ къ ней на встрѣчу и уже подалъ ей руку. Она входитъ. Мужъ *Кливъ-Гарты* былъ слабоумный пьяница, столь противенъ женѣ своей, сколь покоренъ, и даже скученъ своими угожденїями. Онъ тотчасъ бормотя подноситъ питье дѣвицѣ, которая дѣлаетъ честь его дому, и самъ оное пьетъ послѣ нее.

нее. Госпожа Кливъ-Гартъ уноситъ ево поскорѣе и велѣла подать другое. Между тѣмъ улица была очищена. Примероза опять садится въ карету и пріѣзжаетъ къ своей матерѣ.

Чрезъ четверть часа жалуется она на чувствуемую боль въ сердцѣ и обморокъ. Думаютъ, что сія маленькая разстройка есть только дѣйствіе движенія отъ кареты. Но болѣзнь съ часу на часъ умножается; и на другой день была она при смерти больна. Господинъ Фрейндъ и я побѣжали къ ней. Мы застали, что сія красавица была блѣдна, синѣвата, терзаема судоргами, имѣла раздутые губы, глаза то мутные, то сверкающіе и всегда неподвижные. Черные пятны обезображали прелестную ея грудь и прекрасное ея лицо. Мать ея лежала въ обморокѣ возлѣ ея посте-

постели. Услужливый *Хезелденъ* напрасно употреблялъ всѣ способы своего искуства. Я Вамъ не стану описывать *Фрейндоваго* отчаянія; оно было несказанное. Я лечу въ домъ *Кливъ-Гарты*. Освѣдомляюсь, что ея мужъ умеръ, и что жена его ушла изъ дому. Я ищу *Еннія*, и его не нахожу. Служанка сказываетъ мнѣ, что ея Госпожа бросилась къ ногамъ *Еннія* и неотступно просила его, чтобъ онъ ее не оставилъ въ ея нещастіи, что она уѣхала съ *Енніемъ* и *Биртономъ*, а куда не извѣстно.

Пораженный толь скорыми и толь умноженными ударами, имѣя духъ колеблемый ужасными подозрѣніями, кои прогонялъ я и кои возвращались, иду я съ трудомъ въ домъ умирающей. Между тѣмъ сказывалъ я самъ себѣ, если сія гнусная женщина бросилась на колѣны

лѣны предъ *Еннїемъ*, если она его просила имѣть объ ней сожалѣнїе, то онъ не есть соумышленникъ. *Енни* не способенъ къ толь подлому, толь ужасному злодѣянїю, коего не имѣлъ онъ никакой пользы, ни какой причины здѣлать; которое лишило бы его обожаемой имъ женщины и его щастїя, которое учинило бы его человѣческому роду мерзскимъ. Будучи слабъ покорилъ онъ себя нещастной, которой не зналъ онъ пороковъ. Онъ не видѣлъ такъ какъ я, *Примерозу* умирающую; онъ не отошелъ бы отъ ея постели, дабы послѣдовать за Отравительницею Супруги своей. Терзаемый сими мыслями вхожу я содрагая къ той, которую уже думалъ я, что не застану въ живыхъ. Она дышала. Старой *Кливъ-Гартъ* въ минуту погибъ, за тѣмъ что тѣло его было изнурено распутствами;

но

но молодая *Примероза* была подкрѣплена толь здоровымъ сложенїемъ, сколь душа ея была не порочна. Она меня увидѣла, и нѣжнымъ голосомъ спросила, гдѣ былъ *Ечни*? При семъ словѣ, признаюсь, что источникъ слезъ изъ очей моихъ пролился. Я не могъ ей отвѣчать; я не могъ говорить съ его отцомъ. На конецъ надлежало оставить ее въ вѣрныхъ прислуживавшихъ ей рукахъ.

Мы пошли извѣстить Милорда о семъ неблагополучїи. Вы знаете его сердце; онъ такъ нѣженъ для своихъ прїятелей, сколь страшенъ врагамъ своимъ. Никогда человѣкъ не былъ сострадательнѣе съ суровѣйшими чертами лица. Онъ употребилъ столько труда для вспомоществованїя умирающей, для открытїя *Еннїеваго* и злодѣйки его убѣжища, сколько употре-

потребилъ онъ онаго ради доставленія *Эрцъ-Герцогу* Гишпаніи. Всѣ наши исканія были безполезны. Я думалъ, что *Фрейндъ* отъ оныхъ умретъ. Мы лѣтали то къ *Примерозѣ*, коея душевное страданіе было продолжительное, то въ Рочестеръ, въ Дувръ, въ Портсмутъ; отправили курьеровъ по всюду, были вездѣ, бѣгали куда глаза глядѣли, какъ охотничьи собаки, кои добычу потеряли; и между тѣмъ нещастная мать злополучной *Примерозы*, съ часу на часъ зрѣла умирающую дочь свою.

На конецъ узнаемъ мы, что одна женщина довольно молодая и довольно прекрасная, сопутствуемая тремя молодыми человѣками и нѣсколькими служителями, отправились въ *Нейлортъ*, что въ Нейброкскомъ Графствѣ, на небольшомъ кораблѣ, которой стоялъ на

рейдѣ, нагруженный заповѣдными товарами; и что сїе судно подплыло въ сѣверную Америку.

Фрейндъ при семъ извѣстїи сильно вздохнулъ, по томъ вдругъ вошедъ въ себя и пожимая мнѣ руку: надобно, сказалъ онъ, чтобъ я ѣхалъ въ Америку. *Я* ему отвѣчалъ, удивляясь ему и плачучи: я отъ Васъ не отстану; но что Вы можете здѣлать? *Я* хочу, сказалъ онъ, возвратить моего сына въ его отечество и обратить на путь добродѣтели, или погребсти себя при немъ. Мы дѣйствительно не могли сумнѣваться, по учиненнымъ намъ примѣтамъ, чтобъ это не былъ *Ечни* уѣхавшїй съ сею гнусною женщиною, съ *Биртономъ* и съ повѣсами ихъ шайки.

Добродушный отецъ принявшїй такое намѣренїе, простился съ Милордомъ Петербору, который

вскорѣ возвратился въ Каталонїю; и мы поѣхали нанять въ Бристолѣ корабль, до рѣки *Лаворы* и до Марилaндскаго Залива. Фрейндъ заключалъ, что сїи воды были средѣ Аглинскихъ владѣнїй; для того надлежало направлять туда свое плаванїе, хотя бы Сынъ его былъ на югѣ, или поплылъ бы къ сѣверу. Онъ запасся деньгами, вексселями и съѣстными припасами, оставя въ Лондонѣ вѣрнаго слугу для доставленїя ему извѣстїй на корабляхъ, кои еженедѣльно отправлялись въ Марилaндъ, или въ Пенсилванїю.

Мы поѣхали. Корабельные служители видя у Фрейнда веселїе на лицѣ, думали, что мы добровольно путешествовали. Но когда имѣлъ онъ только меня свидѣтелемъ, вздохи его довольно изъясняли мнѣ его глубокую печаль. Я

иногда внутренно радовался, имѣя честь утѣшать толь добродѣтельную душу. Западной вѣтръ задержалъ насъ долго на высотѣ *Сорлинговъ*. Мы были принуждены направлять нашъ путь къ новой Англїи. Сколько развѣдыванїй учинили мы на каждомъ берегу! Сколько времени и старанїй потеряли! наконецъ какъ сѣверовосточной вѣтръ подулъ, то мы поплыли къ Мариланду. Тамъ то описали намъ *Еннїя*, *Кливъ-Гарту* и сопутниковъ ихъ.

Они прожили болѣе мѣсяца на берегу, и удивляли все Селенїе развратностями и неизвѣстнымъ до того въ сей части земнаго шара, великолѣпїемъ.

Мы пустились въ Заливъ, съ намѣренїемъ доплыть до Балтиморы, для учиненїя новыхъ освѣдомленїй.

ГЛА-

ГЛАВА VI.

Что случилось въ Америкѣ.

Мы увидѣли въ дорогѣ, на правой сторонѣ, очень хорошо состроенное Селеніе. Ето былъ небольшой, покойной и чистой домъ между пространнымъ гумномъ и обширнымъ скотнымъ Дворомъ, что все было окружено Садомъ, въ коемъ росли всѣ тамошней земли плоды. Сіе Селеніе принадлежало одному Старику, который приглашалъ насъ сойти въ его убѣжище. Онъ неимѣлъ виду Агличанина, и мы скоро заключили по его произношенію, что онъ былъ Иностранецъ. Мы стали на якорь, и сошли. Сей доброй человѣкъ принялъ насъ съ искреннѣйшею любовію, и далъ намъ наилучшій обѣдъ, каковъ только можно здѣлать въ новомъ свѣтѣ.

Мы скромно открыли ему наше желанїе знать, кому обязаны мы за толь хорошее угощенїе. Я одинъ изъ тѣхъ, сказалъ онъ, коихъ Вы называете Дикими. Я родился на одной изъ синихъ Горъ, кои окружають сїю землю, и кои видите Вы на западной сторонѣ. Скверный толстой гремучїй Змѣй во время дѣтства, ужалилъ меня на одной изъ сихъ горъ. Я былъ оставленъ, чуть было не умеръ. Отецъ нынѣшняго Милорда *Балтимора*, нашедъ меня, препоручилъ своему Врачу, и я ему за жизнь обязанъ. Я ему вскорѣ воздалъ то, за что самъ ему былъ обязанъ; ибо я его жизнь спасъ въ сраженїи противъ сосѣдней Орды. Онъ мнѣ далъ въ награду сїе Селенїе, въ коемъ живу я благополучно.

Господинъ *Фрейндъ* спросилъ у него, не былъ ли онъ вѣры Лорда

Бал-

Балтимора? Я! сказалъ онъ, у меня своя вѣра; для чего желаете Вы, чтобъ я былъ вѣры другаго человѣка? Сей короткой и сильной отвѣтъ заставилъ насъ нѣсколько войти въ самыхъ себя. И такъ, я ему сказалъ, Вы имѣете своего бога и свой законъ? Конечно, отвѣчалъ онъ намъ съ увѣренїемъ, въ которомъ никакой не было надмѣнности; Богъ мой есть тамъ, и онъ указалъ на небо; а законъ мой тутъ, и положилъ онъ руку на свое сердце.

Господинъ *Фрейндъ* былъ объятъ удивленїемъ, и пожавъ мою руку: сей дикой, сказалъ онъ мнѣ, гораздо разумнѣе, нежели всѣ Бакалаврїи, кои умствовали съ нами въ Барцелонѣ.

Онъ спѣшилъ узнать, еслибъ было можно, что нибудь подлинное о своемъ сынѣ *Еннїи*. Это была угнѣтавшая его тяжесть. Онъ

спросилъ, не слыхалъ ли онъ о сей толпѣ молодыхъ людей, кои толикой шумъ въ окрестностяхъ производили? Какъ! сказалъ Старикъ, не говорилиль мнѣ объ нихъ? Я ихъ видѣлъ, принималъ ихъ у себя; и они толь довольны были моимъ прїемомъ, что уѣхали съ одною изъ моихъ дочерей.

Судите, какой былъ при сихъ словахъ трепетъ и ужасъ моего друга. Онъ не могъ воздержаться въ своемъ первомъ движенїи, что бъ не закричать, Какъ! дочь Ваша увезена моимъ сыномъ! — Доброй Агличанинъ, сказалъ ему на то Старикъ, не сердись; я очень радъ, что уѣхавшїй отъ меня съ моею дочерью, есть сынъ твой; ибо онъ пригожъ, статенъ, и кажется мужественнымъ. Онъ не похитилъ моей любезной *Парубы*, ибо надобно тебѣ знать, что *Паруба*

есть

есть ея имя, по тому что и я такъ называюсь. Если бы онъ похитилъ у меня Парубу, то ето было бы воровство; и пятеро сыновей моихъ, которые теперь на охотѣ въ сосѣдствѣ за сорокъ или пятдесять миль отъ сюда, не стерпѣли бы таковой обиды. Похищать добро другаго, есть великїй грѣхъ. Дочь моя добровольно уѣхала съ сими людьми; она желала, проѣздиться и осмотрѣть здѣшнюю Страну; ето есть нѣкоторое удовольствїе, въ коемъ не должно отказывать дѣвицѣ ея лѣтъ. Сїи Путешественники возвратятъ мнѣ ее прежде прошествїя мѣсяца, я въ томъ увѣренъ; ибо они мнѣ то обѣщали. Сїи слова заставили бы меня разсмѣяться, если бы печаль, въ коей видѣлъ я друга моего погруженнымъ, не проницала въ мою душу, которая вся была оною занята.

Меж-

Между тѣмъ въ вечеру, какъ были мы готовы отправиться въ путь и воспользоваться вѣтромъ, прибѣжалъ одинъ изъ сыновей *Парубы*, весь запихавшійся, имѣя на лицѣ блѣдность, ужасъ и отчаяніе. Что съ тобою, сынъ мой, здѣлалось; откуда ты пришелъ? я думалъ что ты на охотѣ; что тебѣ приключилось? Не угрызъ ли тебя какой дикой Звѣрь? — Нѣтъ батюшка; я не Звѣремъ уязвленъ, но я умираю. — Да откудажъ ты, мой любезной сынъ, пришелъ? За сорокъ миль отсюда не останавливаясь, но я обмираю.

Отецъ, весь въ трепетѣ, кладетъ его на постелю. Ему даютъ крѣпительные. Малолѣтные братья его, сестры, Господинъ *Фрейндъ*, я, наши служители, всѣ мы заботимся около его. Когда пришелъ онъ опять въ чувство, то вдругъ обнялъ

обнялъ добродѣтельнаго Старика *Парубу*. Ахъ! сказалъ онъ воздыхая, Сестра моя здѣлалась Военноплѣнною, и надобно думать, что она будетъ сѣдена.

Добродушный *Паруба*, при сихъ словахъ, упалъ на землю. Господинъ *Фрейндъ*, который такъ же былъ отецъ, почувствовалъ въ себѣ превеликое смятенїе. На конецъ молодой *Паруба* увѣдомилъ насъ, что шайка молодыхъ весьма развратныхъ Агличанъ, изъ шалости напала на людей синей Горы. Съ ними была, сказалъ онъ, прекрасная женщина, и при ней служанка; и я не знаю какимъ образомъ Сестра моя попала въ сїю шайку. Прекрасная Агличанка была убита и сѣдена, Сестра моя была взята и будетъ такъ же сѣдена. Я прибѣжалъ сюда искать помощи противу людей синей Горы; я ихъ хочу убить,

съѣсть ихъ такъ же, взять назадъ мою Сестру, или умиреть.

Тогда слѣдовала очередь господину *Фрейнду* обмиреть; но привычка властвовать надъ самымъ собою, подкрѣпила его. Богъ, сказалъ онъ, даровалъ мнѣ сына; онъ опять назадъ возьметъ сына и отца, когда время настанетъ для исполненія вѣчныхъ опредѣленій его. Другъ мой, я думаю, что Богъ иногда дѣйствуетъ особливымъ, общимъ его законамъ подвластнымъ Провидѣніемъ; поелику наказываетъ онъ въ Америкѣ злодѣянія учиненные въ Европѣ, и что злодѣйка *Кливъ-Гартъ* умерла такъ, какъ ей должно было умиреть. Можетъ быть Высочайшій Творецъ толикихъ Міровъ такъ учредилъ все, что великіе преступленія на землѣ содѣланные, иногда на землѣ же очищаются. Я не осмѣливаюсь тому вѣрить,

но

но желаю, и повѣрилъ бы, еслибъ мысль сїя не была противу всѣхъ правилъ преизящной Метафизики.

Послѣ толико печальныхъ размышленїй о толь нещастныхъ приключенїяхъ, весьма обыкновенныхъ въ Америкѣ, Фейндъ не медля по своему обыкновенїю, принялъ такое свое намѣренїе: У меня изрядной корабль, сказалъ онъ своему хозяину; онъ хорошо снабженъ съ ѣстными припасами; теперь приливъ воды, и такъ поплывемъ по заливу, какъ можно ближе къ синимъ Горамъ. Самое нужное дѣло мое состоитъ теперь въ томъ, что бъ спасти Вашу дочь. Поѣдемъ къ Вашимъ старымъ соземлянамъ; Вы имъ скажете, что я имъ привезъ *Калюметъ* мира *), и

---

*) *Калюметъ, или трубка, есть знакъ, которой Индѣйцы употребляютъ при объявленїи войны и при заключенїи мира.*

и что я Внукъ *Пеновъ*: одного сего имени будетъ довольно.

При имени *Пена*, толико во всей сѣверной Америкѣ почитаемаго, добродѣтельный *Паруба* и сынъ его почувствовали движенiи глубочайшаго почтенiя и прiятнѣйшей надежды. Мы садимся на корабль, подымаемъ парусы и чрезъ тридцать шесть часовъ пристаемъ подлѣ Балтиморы.

Едва были мы въ виду сего небольшаго города, почти тогда пустаго, какъ увидѣли мы вдалѣ многолюдную толпу жителей синихъ Горъ, кои шли на ровное мѣсто вооруженные кастетами, топорами и оными мушкетами, кои Европейцы толь неосторожно отдали имъ на смѣнъ за мѣлкую рухлядь. Уже слышенъ былъ ужасный ихъ вой. Съ другой стороны подъѣжжали четыре Всадника, послѣдуемые не-

не большимъ числомъ пѣшихъ людей. Сія маленькая толпа почла насъ за людей изъ Балтиморы, кои пришли вступить съ ними въ сраженіе. Рыцари устремляются на насъ опустя узду, съ мечами въ рукахъ. Товарищи наши приготовлялись ихъ принять. Господинъ Фрейндъ поглядя присталь-но на Рыцарей, нѣсколько вздрогнулъ. Но вдругъ воспріявъ свое обыкновенное хладнокровіе: Останьтесь здѣсь, друзья мои, сказалъ онъ намъ умилительнымъ голосомъ, дайте мнѣ одному дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ идетъ онъ одинъ, безъ оружія и тихими стопами, къ толпѣ. Вдругъ видимъ мы Начальника опускающаго узду своей лошади, бросающагося на землю и повергающаго себя къ его ногамъ. Мы подымаемъ вопль отъ удивленія, приближаемся; это былъ самъ

Енни,

Енни, который орошалъ слезами ноги своего отца, обнимавшаго его трепещущими руками. Оба они не могли говорить. *Биртонъ* и два молодые Всадника ѣхавшїе за нимъ слѣзли съ лошадей. Но Биртонъ съ обыкновеннымъ своимъ духомъ сказалъ ему: Ну, другъ нашъ *Фрейндъ*, я тебя здѣсь не ожидалъ. Ты и я произведены для приключенїй. Право, я очень радъ, что тебя вижу.

Фрейндъ не удостоя его отвѣтомъ, оборотился къ приближавшемуся войску синихъ Горъ. Онъ подходитъ къ оному съ однимъ *Парубою*, которой служилъ ему толмачемъ. Соземляне, сказалъ имъ *Паруба*, вотъ Внукъ *Пеновъ*; онъ приноситъ Вамъ *Калюметъ* мира.

На сїи слова Старѣйшїй изъ нихъ отвѣтствовалъ, поднявъ руки

и

и глаза къ небу: Внукъ *Пена*! Допусти меня облобизать его руки и ноги, и прочїе части тѣла; да умножитъ онъ родъ *Пеновъ*! Да пребудутъ *Пены* вѣчно съ нами. Великїй *Пенъ* есть нашъ *Маниту*, нашъ благотворитель. Онъ самой справедливой изъ Европейцовъ. Онъ не завладѣлъ посредствомъ силы, нашими землями. Онъ купилъ землю, которую мы ему уступили. Онъ за нее заплатилъ щедро. Онъ сохранилъ у насъ согласїе; принесъ намъ лѣкарства отъ нѣкоторыхъ болѣзней, которые обращенїе наше съ Европейскими людьми намъ сообщило. Онъ научилъ насъ художествамъ, коихъ мы не знали; и мы никогда не зажигали *Калюмета* войны, ни противъ его, ни противъ дѣтей его. Мы употребляли съ *Пенами* только *Калюметъ* высокопочитанїя.

Пого-

Поговоря такимъ образомъ отъ лица своего народа, бросился онъ въ самомъ дѣлѣ цѣловать ноги и руки у Господина *Фрейнда*; но онъ не дотронулся до другихъ частей, какъ скоро сказали ему, что это не было въ употребленіи въ Англіи, и что каждая Страна имѣетъ свои обряды.

Фрейндъ тотчасъ велѣлъ принесть съ корабля тридцать окороковъ, столькоже большихъ пироговъ, начиненныхъ курицъ, двѣсти большихъ бутылокъ съ понтакскимъ виномъ; что все и было подано. Онъ посадилъ возлѣ себя Правителя синихъ горъ. *Енни* и товарищи его участвовали въ семъ пиршествѣ; но *Енни* желалъ бы поглощенъ быть землею. Отецъ его не сказалъ ему ни слова; и сіе молчаніе усугубляло еще больше стыдъ его.

Бир-

Биртонъ, котораго ничто не трогало, показывалъ легкомысленную веселость. *Фрейндъ* прежде, нежели сѣли ѣсть, сказалъ добродушному *Парубѣ*: здѣсь у насъ недостаетъ предарагой дѣвицы, Вашей дочери. Правитель синихъ горъ приказалъ немедлѣнно ее привесть; ей не здѣлали никакой обиды. Она поцѣловала своего отца и своего брата, такъ какъ бы съ прогулки возвратилась.

Я возпользовался вольностію компаніи, дабы спросить, по какой причинѣ воины синихъ горъ убили и сѣли госпожу *Кливъ-Гарту*, и ничего не здѣлали Парубиной дочерѣ? Для того, что мы справедливы, отвѣчалъ правитель. Сія гордая Агличанка была въ толпѣ на насъ напавшей; она съ тылу застрѣлила одного изъ нашихъ воиновъ, изъ пистолета. Мы ничего не здѣлали

дѣвицѣ *Парубѣ*, коль скоро узнали, что она была дочь одного изъ нашихъ старыхъ товарищей, и что она прїѣхала сюда только прогуляться. Надлежитъ каждому воздавать по его дѣламъ.

Фрейндъ былъ тронутъ симъ правиломъ; но онъ представилъ, что привычка ѣсть женщинъ, была недостойна толь честныхъ людей, и что съ толикою добродѣтелью не надлежало быть человѣкоядцами.

Тогда начальникъ горъ спросилъ у насъ, что мы дѣлали съ нашими непрїятелями, когда мы ихъ убивали? Мы ихъ погребаемъ, отвѣчалъ я ему. Я разумѣю, сказалъ онъ, что вы предаете ихъ землѣ. Но мы желаемъ имѣть преимущество; наши желудки суть почтеннѣйшая гробница.

Тутъ *Биртонъ* поставилъ себѣ за удовольствїе подкрѣпить мнѣнїе

оби-

обитателей синихъ горъ, разными историческими доказательствами; и мы дали ему волю говорить. Но добродушный *Фрейндъ* не отвѣчая ему, обратилъ рѣчь свою къ горскимъ жителямъ. *Паруба* каждое слово его изъяснялъ. Никогда важный *Тилотзонъ* не говорилъ съ такою силою. Никогда льстивый *Смалдриджъ* не имѣлъ толь трогательныхъ пріятностей. Великая есть тайна доказывать краснорѣчиво. И такъ онъ имъ доказалъ, что пиршества, въ коихъ питаются плотію себѣ подобныхъ, свойственны коршунамъ, а не человѣкамъ; что сіе мерзское обыкновеніе производитъ лютость, разрушающую родъ человѣческій, и что ето было причиною, что оии не знали ни утѣхъ общества, ни землепашества. Наконецъ клялись они своимъ великимъ *Маниту*, что они уже не

будутъ ѣсть ни мущинъ, ни женщинъ.

Фрейндъ по одному такому разговору здѣлался ихъ законодателемъ. Ето былъ *Орфей*, который ручными дѣлалъ тигровъ. Сколько Езуиты ни старались присвоить себѣ чудеса въ своихъ любопытныхъ и поучительныхъ письмахъ, въ коихъ рѣдко то и другое заключалось; но они никогда не могутъ сравниться съ нашимъ другомъ Фрейндомъ.

Надѣливъ подарками господъ Синихъ горъ, привезъ онъ на своемъ кораблѣ добродушнаго *Парубу* къ его жилищу. Молодой *Паруба* ѣхалъ съ своею сестрою; другїе же братья были на охотѣ возлѣ *Каролины*. *Енни*, *Биртонъ* и товарищи ихъ, сѣли на корабль. Премудрый *Фрейндъ* всегда держался того правила, чтобъ не дѣлать ни какого

выговора своему сыну, когда сей повѣса дѣлалъ какїе нибудь худые дѣла. Онъ оставлялъ его, чтобъ онъ самъ себя разсматривалъ, и терзалъ свое сердце, какъ сказываетъ *Пиѳагоръ*. Между тѣмъ принимался онъ три раза за письмо полученное имъ изъ Англїи, и читая оное, поглядывалъ на своего сына, который всегда потуплялъ глаза въ землю; но на лицѣ у сего молодаго человѣка были видны почтенїе и разкаянїе.

Что касается до *Бирточа*, то онъ былъ веселъ и такъ спокоенъ, какъ будто бы изъ комедїи возвратился. Онъ имѣлъ свойство духа почти по вкусу покойнаго Графа *Рочестера*. Онъ былъ безмѣренъ въ распутствѣ, въ храбрости, въ своихъ мысляхъ, въ возраженїяхъ, въ своемъ Епикурскомъ любомудрїи; не былъ прилѣпленъ ни къ чему,

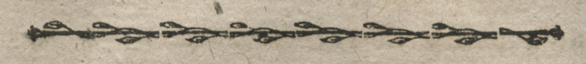
кромѢ чрезвычайностей, кЪ коимЪ весьма скоро чувствовалЪ отвращеніе; имѢлЪ такой разумЪ, который вѢроподобія употребляетЪ доказательствами; былЪ ученѢе и краснорѢчивѢе, нежели бы какой другой лѢтЪ его молодой человѢкЪ; но никогда не старался ничего основательно изслѢдовать.

ГосподинЪ *ФрейндЪ* обѢдая сЪ нами на кораблѢ, нечаянно сказалЪ мнѢ: по истиннѢ, другЪ мой, я надѢюсь, что БогЪ произведетЪ вЪ сихЪ молодыхЪ людяхЪ честнѢйшіе нравы, и что ужасный примѢрЪ *КливЪ - ГартынЪ* поправитЪ ихЪ.

БиртонЪ услыша сіи слова, сказалЪ ему нѢсколько огорченнымЪ видомЪ: я уже давно очень недоволенЪ сею негодною *КливЪ - Гартою*; я теперь обЪ ней столько же думаю, сколько о жирной курицѢ, которую

торую бы на вертелъ посадили. Она была злая, а злые всегда рано или поздо наказываются. По томъ говорилъ онъ съ *Фрейндомъ* о нѣкоторыхъ Естествословахъ; и между прочимъ *Фрейндъ* выговорилъ сїи золотые слова, кои въ сердцѣ моемъ впечатлѣлись: *позабудемъ мечтанїи великихъ мужей, и станемъ помнить о истиннахъ, въ коихъ они насъ наставили.* Отъ сихъ самыхъ словъ загорѣлось прѣнїе любопытнѣе, нежели была бесѣда съ Саламанскимъ Бакалаврїемъ. Я сѣлъ въ углу и слушалъ съ великимъ вниманїемъ; а протчїе сидѣли во кругъ двухъ Спорящихъ. Добродушный *Паруба*, сынъ его, а особливо его дочь, такъ же и товарищи распутствъ *Еннїевыхъ*, слушали все сїе протянувши шею и глядя быстро; *Енни* же повѣся голову, опершись локтями на колѣ-

ни, и закрывѣ руками глаза свои, казался погруженнымѣ вѣ глубочайшую задумчивость.

ГЛАВА VII.

Возвращенïе въ Англïю. Еннiева женитьба.

По окончанïи онаго спора, *Биртонѣ* и друзья его столько были убѣждены истинными доказательствами Фреинда, что пали кѣ его ногамѣ. Да, сказалѣ *Биртонѣ*, я Васѣ почитаю за самаго разумнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго человѣка.

Уже были мы возлѣ *Парубинаго* дому. Мы тамѣ ужинали; но *Енни* не могѣ ужинать; онѣ сидѣлѣ вѣ сторонѣ и обливался слезами. Отецѣ его пошелѣ утѣшить его. Ахѣ! сказалѣ ему *Енни*, я недостоинѣ

стоинѣ имѣть такого отца, какѣ Вы; я умру сѣ печали, что былѣ обольщенѣ мерзскою *Кливѣ-Гартою*. *Я*, хотя и невинно, причиною *Примерозиной* смерти. Меня, тотѣ часѣ какѣ Вы сказали намѣ обѣ отравленіи, ужасѣ обнялѣ, и я чаялѣ зрѣть *Кливѣ-Гарту* подносящую *Примерозѣ* смертоносное питіе. О Небо! О Боже! Какѣ я могѣ имѣть разумѣ толь поврежденный, что согласился отправиться вѣ путь сѣ такою злодѣйкою! Но она меня обольстила. *Я* былѣ слѣпѣ; и не прежде выведенѣ изѣ заблужденія, какѣ уже предѣ тѣмѣ, когда была она взята дикими. Она мнѣ во гнѣвѣ почти открылась вѣ своемѣ злодѣяніи. Сѣ того часа я ее имѣлѣ вѣ омерзѣніи; и вѣ наказаніе мнѣ, *Примерозинѣ* образѣ безпрестанно предѣ очами моими мечтается. *Я* ее вижу, слышу ее.

Она мнѣ сказываетъ: я умерла для того, что тебя любила.

Господинъ *Фрейндъ* съ прiятностiю разсмѣялся, чему *Енни* не могъ понять причины. Отецъ его сказалъ ему, что одна непорочная жизнь можетъ загладить прежнiе погрѣшности. Онъ привелъ его къ столу, какъ будто такого человѣка, коего извлекли изъ обуревавшихъ его волнъ. Я его обнялъ, поласкалъ его и ободрилъ; при чемъ были мы всѣ смягчены. На другой день изготовились мы ѣхать въ Англiю, здѣлавъ подарки всей *Парубовой* Фамилiи. Наши прощанiи были растворены искренними слезами. Биртонъ и его товарищи, кои всегда были вертопрашны, казались уже разумными.

Мы были на открытомъ морѣ, какъ *Фрейндъ*, въ присутствiи моемъ, сказалъ *Еннiю*: и такъ, сынъ

мой,

мой, Воспоминанїе прекрасной, добродѣтельной и нѣжной Примерозы, всегда тебѣ любезно! *Енни* услыша сїе, пришелъ въ отчаянїе; стрѣлы безполезнаго и вѣчнаго разкаянїя сердце его поражали; и я боялся, чтобъ онъ не бросился въ море. Ну, сказалъ ему *Фрейндъ*, утѣшъ себя; *Примероза* жива, и она тебя любитъ.

Фрейндъ дѣйствительно получилъ объ ней подлинные извѣстїя отъ вѣрнаго служителя, который посылалъ къ нему письма на всѣхъ корабляхъ, отправлявшихся въ Мариландъ. Господинъ *Меадъ*, который послѣ прїобрѣлъ толь великую славу, знанїемъ лѣкарствъ противу всякаго роду отравъ, былъ такъ щастливъ, что исторгнулъ *Примерозу* изъ рукъ Смерти. Господинъ *Фрейндъ* показалъ своему сыну то самое письмо, которое онъ многократ-

кратно читалъ съ нѣжнымъ чувствованіемъ.

Енни въ одну минуту перешелъ изъ безмѣрнаго отчаянія, въ безмѣрное благополучіе. Я Вамъ не стану описывать дѣйствій сей скорой перемѣны; чѣмъ болѣе я оными объятъ, тѣмъ менѣе могу ихъ изъяснить: ето была наиприятнѣйшая минута въ *Енніевой* жизни. *Биртонъ* и товарищи его раздѣляли толь пріятную радость. Но что скажу я Вамъ на конецъ! Превосходный *Фрейндъ* былъ всѣмъ имъ отцомъ. Свадьба пригожаго *Еннія* и прекрасной *Примерозы*, была отправлена у Доктора *Меада*. Мы такъ же женили и *Биртона*, который совсѣмъ перемѣнился. *Енни* и онъ теперь наичестнѣйшіе въ Англіи люди. Вы согласитесь, что разумный можетъ вылѣчить Дураковъ.